

Максуд Ибрагимбеков
ИСТОРИЯ С БЛАГОПОЛУЧНЫМ КОНЦОМ

Всякое сходство персонажей с реальными лицами
является абсолютно случайным.

Автор

С наступлением весны в парикмахерской заговорили о женщинах.

— Самое главное в них походка, — энергично массируя лицо клиента, сказал молодой парикмахер Автандил своему соседу Агасафу, который в это время брил Рауфа. — А у нее, — он кивнул на дамский салон, — такая походка, что с ума сойти можно. Каждую неделю приходит. Все бросаю, иду смотреть.

— Она и сегодня приходила! — уверенно сказал массируемый.

— Полчаса как ушла. А вы откуда знаете?

— Догадался, — сердито ответил клиент. — Уже третий раз одеколоном на меня брызгаешь. Думаешь, приятно?

— Походка, конечно, нужная вещь, — сказал после ухода нервного посетителя Агасаф, высокий худой старик, пользующийся по ряду причин большим авторитетом у сослуживцев, — но все зависит от той, кто ходит. Есть такие женщины, что если даже они летать будут или, например, ползать, мне не понравятся. Главное дело не в походке. Ты еще молодой, не пони-маешь — у каждого человека свой вкус: одному брюнетка нравится вместе с ее любой походкой, другому блондинка, одному полная, другому худая. Верно говорю?

Автандил нехотя кивнул, спорить с Агасафом было не принято. Несмотря на свои семьдесят лет, Агасаф до сих пор считался лучшим мастером, и стричься к нему приезжали, предвзвешенно заняв очередь по телефону. О том, как начиналась его блестящая карьера, знали все — это произошло в 1943 году и совпало с приездом генерала де Голля. Во время двухдневного пребывания в Баку будущему маршалу и президенту в числе прочих дел нужно было и бриться, и это ответственное задание по стечению многих, на первый взгляд, казалось бы, несочетаемых обстоятельств доверили талантливому, но малоизвестному в то время парикмахеру, который вернулся в родной город, сильно хромя после госпиталя, на месяц раньше своего высокопоставленного клиента.

Рауфу об этом было рассказано недавно, после тридцатилетнего их знакомства, на протяжении которого Рауф каждые десять дней появлялся в парикмахерской по улице Хагани. И хотя в довольно-таки нудном изложении Агасафа, почти после каждой фразы многозначительно поджимавшего губы, описание двукратного исторического бритья заняло больше часа, Рауф, который знал, что эта высокая честь оказывалась до него очень немногим, самым уважаемым клиентам, остался доволен. А в тот день, когда Агасаф намыливал ему щеки и во всеуслышание пожаловался Автандилу, что жесткостью волоса при нежной коже Рауф напоминает ему покойного президента, он испытал приятное волнение и с тех пор уверился, что Агасаф — человек проницательный и доброжелательный.

Агасаф попросил его высказать свое мнение, и Рауф снисходительно улыбнулся, ему показалось забавным принять участие в дискуссии этих двух чистейшей воды теоретиков, какими он представлял себе Агасафа и Автандила.

— Я с тобой не совсем согласен. Что значит худые или полные? Настоящему мужчине должны нравиться женщины всех типов. Блондинки, брюнетки, полные и худые. Один раз всего живем, надо все испытать, — он вдруг всмотрелся в зеркало и озабоченно потер лоб, положив этим конец спору.

— Рано тебе морщинами обзаводиться, — тщательно обследовав участок кожи, вызвавший беспокойство Рауфа, сказал Агасаф. — Эта складка появляется, когда ты начинаешь хмуриться.

Агасаф кончил сметать с пиджака несуществующие волоски, и Рауф нехотя встал из уютного кресла. В вестибюле он задержался перед большим зеркалом и, не без удовольствия полюбовавшись отражением мужчины цветущего вида в модном костюме, пригладил сидящие усы и вышел на улицу. Ехать было рано, и Агасаф еще несколько минут постоял у машины, с легкой грустью вспоминая, как в молодости он прохаживался вечерами по этой улице Низами, которая в то время была главным местом для гуляния. Почти каждый вечер, не сговариваясь, все собирались на углу у кинотеатра «Вэтэн» и начинали неторопливое шествие по привычному маршруту. Мимо здания банка и клуба моряков до Приморского бульвара и обратно. В те годы Рауф был человеком заметным. Он никогда не претендовал на главенство, но его сила и признанная храбрость вызывали уважение у сверстников, а благодаря веселому нраву и безотказной готовности не упустить малейшей возможности повеселиться, он всегда находился в центре постоянно обновляющейся группы приятелей.

Нравился он и девушкам. Время от времени получал он в полную собственность самые разные — от миниатюрных и трепетно подрагивающих до темно-рубиновых, размеренно колышущихся всей своей блестящей литой массой, — женские сердца, и получалось это без малейших усилий, почти с первого взгляда. В отличие от других ребят, старающихся на всех стадиях завязавшегося знакомства казаться в девичьих глазах людьми совершенно

необычными, он свободно обходился без их испытанных приемов, то есть не писал трогательных писем, не придумывал героических историй со своим участием, никогда не сочинял стихов и даже не вел с целью обольщения долгих телефонных разговоров: сообразил, что если собеседница не видит рядом стройного мускулистого тела, увенчанного крупной головой с модной в те годы густой гривой, и лица с гладкой кожей, на котором очень удачно расположились блестящие черные глаза и свежие губы под ухоженными шелковистыми усиками, то бес-плотный голос по каким-то причинам на нее производит впечатление невыгодное или же не действует вовсе.

Еще раз вздохнув о быстро пролетавшей молодости, Рауф сел в машину и поехал к новому зданию медицинского института, где у него в половине шестого было назначено свидание с приятным человеком по имени Аида.

Вот уже год, как она выкраивала для него из своего времени, чрезвычайно перегруженного аспирантурой и каждодневными заботами семейной жизни, несколько часов в неделю. Во избежание нежелательной встречи с мужем, легко впадающим, по словам Аиды, в буйные припадки беспричинной ревности, остро-рожный Рауф никогда не появлялся у ее дома.

Подарок — завернутые вместе серебряный браслет и духи — он положил на переднее сиденье, рядом с собой, так как считал, что от подарков, сделанных в первую минуту, гораздо больше пользы, чем от вручаемых в конце встречи, когда никакими дарами невозможно повлиять на уже минувшие события.

Он прождал минут десять, когда из института вышла группа студентов. Высокая привлекательная девушка отделилась от них, перебежала улицу и, оглядевшись по сторонам, проворно юркнула в машину.

— Куда едем? — с размаху поцеловав Рауфа в щеку, спросила она. — Опять в микрорайон?

— Приятель уехал в отпуск, ключ оставил мне. Три комна-ты, в самом центре.

— Для чего нам сразу три? — усмехнулась Аида. — Это мне? Спасибо! — она развернула сверток и примерила браслет — Красивый. Спасибо. Скажу, подарили в институте за примерное поведение. Слушай, я сегодня обязательно должна быть дома не позже половины девятого. Ты не сердисься?

— Тогда я успею заехать за семьей к тестю, — сказал он, наблюдая сбоку, как Аида, повернув к себе зеркальце заднего обзора, доводит посредством помады и карандаша до умопомра-чительного совершенства свою внешность.

— У тебя жена ревнивая?

— Можно сказать, нет. Утихомирилась. А раньше житья не было. Три раза из дому уходила. Вообще-то она смирная, это родители ее подзуживали. Особенно тесть. Сейчас тоже потише стал.

— А чем он занимается?

— В академии работает. Ученый, почти академик и так далее. Только толку от всего этого мало, — разговор о тесте сразу ис-портил ему настроение. — Любой другой человек с его способ-ностями многого добился бы. А этот только и знает людей по-учать. И самое главное, все его большим умником считают. Только не пойму, за что? А ты чего оглядываешься?

— Показалось, что у киоска муж стоит, — нервно хихикнула в ответ Аида. — Стоит и смотрит на нас.

— А может, это и на самом деле был он? — как можно не-брежней спросил Рауф. Мужа Аиды он видел однажды из ма-шины, когда тот под руку с женой выходил из института. Это был здоровенный верзила, которого из-за умения играть в ганд-бол оставили после окончания института в аспирантуре.

— Да нет, мне показалось... Я же тебе говорила, по суббо-там у него вечерние занятия, — думая о своем, рассеянно ска-зала она. — Знала бы, что такой ненормальный, никогда бы за него не вышла.

— Среди мужей иногда попадаются очень странные люди, — глубокомысленно заметил Рауф.

«Что правда, то правда, — в тот же вечер, глядя на тря-сущиеся руки тестя, подумал Рауф, — старость не радость». Недавно ему самому перевалило за пятьдесят, и он все чаще стал задумываться о будущем собственного организма. На здо-ровье пока не жаловался, но на внешности, несмотря на тща-тельный уход и любовное отношение к себе, вредное воздействие времени, по его мнению, все же сказывалось.

Наконец, тесть отыскал место, которое собирался прочитать своим слушателям — жене, дочери и зятю, и, держа книгу перед собой на вытянутых руках — очками он старался не пользо-ваться, и это тоже раздражало Рауфа, — обвел присутствующих заблестевшими от предвкушаемого удовольствия глазами.

«Похож на мышь, сожравшую сторублевку, такой же довольный вид». Рауф нетерпеливо поерзал, но, вспомнив о предстоящем важном разговоре, остался сидеть на месте.

— Здесь собраны дошедшие до нас рецепты лекарств, снадобий древних врачей, алхимиков и знахарей Европы, Азии, Аф-рики и даже древних ацтеков и майя. Я кое-что прочту вам.

Тесть принялся читать рецепт древнего алхимика. Читал он медленно, часто останавливаясь для того, чтобы объяснить встречающиеся в тексте незнакомые слова. Диляфруз ханум и Халида слушали внимательно. Рауф, и сам неплохо умеющий, не прибегая к алхимии, превращать в золото и другие ценности некоторые предметы, тоже изображал внимание, а про себя в это время обдумывал, как лучше подступить к старику с предложением обменять квартиры.

— А вот интереснейшая вещь, — провозгласил тесть, — эликсир молодости. Человек становится моложе лет на два-двадцать-тридцать. Современной медицине такое пока еще не по плечу!

— Если есть рецепт, давайте, у меня во 2-й аптеке знако-мый, — усмехнулся Рауф и подмигнул Халиде. Его всегда ра-довало, если удавалось удачно состричь. — Вне очереди при-готовит вам лекарство, станете опять студентом.

— В аптеке? — тесть неприятно хихикнул. — Не думаю, чтобы где-нибудь приняли такой заказ, слишком необычные ингредиенты: тмин, сорванный на кладбище с первым криком петуха, весенний эстрагон, растертый с мускатным орехом в пчелином меде...

— Ну и, наверное, кусочек копыта дьявола или волоски с его хвоста... — закончила теща, вспомнив предыдущий рецепт приворотного снадобья.

— Дьявол здесь не упоминается, — ответил тесть, еще раз сверившись с книгой, — хотя состав все равно довольно-таки сложный.

— А что такое эстрагон? — заинтересовалась Халида. — Ты мне как-то говорил, но я забыла.

— Это латинское название тархуна.

— Так его же на базаре продают. Неужели наш обычный тархун? — удивился Рауф.

— Ну да. Тмин тоже у нас растет, на побережье под Баку часто встречается.

— На побережье-то он растет, а вот на кладбище вряд ли, — заявил Рауф, испытывающий постоянное недоверие к печатному слову. — Вот и написано: ищите на кладбище! Знают, что писать.

— Кажется, тут не в тмине проблема, — рассеянно сказал тесть, переворачивая страницу. — Самое главное указано в кон-це и, хотя это не копыто дьявола., — он замолчал и обвел взглядом заинтересованные лица.

— Наверное, тоже дефицит, — подумал вслух Рауф, — ина-че давно уж все перепечатали бы этот рецепт и побежали омо-лаживаться. Ни одного старика не осталось бы.

— Возможно, — согласился тесть, — но здесь указано, что этим снадобьем пользовались вполне реальные исторические лица — Рамзес II, Ашурбанипал, Карл Великий... «И возгорел-ся огонь в очах их, обрели мощь десницы и чресла». Сообщение далеко не научное, несколько рекламного свойства, — усмехнул-ся тесть, — но вообще, насколько я помню, все эти исторические лица действительно прожили долгую жизнь, до конца дней своих были не по возрасту энергичны и при этом молодо выглядели.

— На то они и цари, — глубокомысленно изрек Рауф. — Во все времена так было и будет, а тут попробуй... Вы не дочитали. Чего там еще требуется?

— Рог носорога. Нужно его мелко растолочь в час Быка и смешать с эстрагоном, тмином, мускатным орехом и медом. Да, еще нужна золотая монета весом в 4 золотника. Проще простого.

— Час Быка, это как же понять? Одну минуту... — Рауф вы-тащил записную книжку и приготовился записать. — На работе расскажу, — объяснил он, — ребята любят такие вещи. — Об услышанном он никому говорить не собирался, а сказал так по-тому, что привык на всякий случай объяснять свои поступки.

— Час Быка — это два часа ночи.

— Тмин летом расцветает, значит, — время указано какое — нормальное или летнее?

— По-моему, летнее, — улыбнулся тесть, — Вот тебе книга, возьми и перепиши.

— Вы лучше своими словами, — попросил Рауф. — А то там выражения какие-то странные — чресла, десницы. Значит так, до тархуна я вроде записал правильно...

— Ну и рог носорога. Здесь указано, что его надо мелко расто-лочь...

— Интересно попробовать, а вдруг и на самом деле во всем этом есть смысл, — когда подали чай, вдруг сказала Дилафруз ханум.

— Ты всегда верила в чудеса, — сказал тесть.

— Стала верить после того, как у меня на глазах совершилось волшебство. Это было в конце войны, я работала в госпитале и впервые увидела пенициллин. Одна-единственная инъекция возвращала жизнь обреченным, буквально на глазах люди избавлялись от болезней, на лечение которых уходили годы. «Живая вода» и только! Вам сейчас трудно представить, но это было настоящее чудо... Я бы дорого отдала за то, чтобы узнать, действительно ли существует способ вернуть человеку молодость! Может, с этим рецептом стоит обратиться в институт геронтологии. Не знаю, как тебе, но мне очень захотелось по-пробовать.

«Вы только посмотрите на эту старую овцу, — подумал Рауф, старательно давя в чае ломтик лимона, — помолодеть ей захотелось. Только этого мне не хватало».

— Кажется, я зря отказался весной от поездки в Африку, — улыбнулся тесть. — Упустил шанс обрести вторую молодость.

— Ты же говорил, что путевка очень дорого стоит, — на-помнила жена. — Всего три страны — и такие безумные деньги.

— Всего! А страны какие — остров Мадагаскар, Танзания, Кения. С посещением заповедников Серёнгети, Нгоронгоро...
Представляете?

Разговор о зарубежных путевках Рауф не стал поощрять.

— Во-первых, весной вы этого рецепта не знали, — сказал он. — И потом, кто бы вам разрешил убить носорога, там в Аф-рике теперь все очень поумнели, в газетах каждый день об этом пишут.

— Я же пошутил, — примирительно ответил тесть. — Да и стрелять в носорога я бы не стал, если бы даже у меня была лицензия.

— А его едят?

— Не знаю, — тесть с интересом взглянул на Рауфа. — Вполне возможно, что мясо у него съедобное. А почему вы спросили?

— Просто любопытно, — сказал Рауф. Он был доволен, что ему удалось задать трудный вопрос. — Какая-то польза должна быть от этого зверя?

Обернувшись, тесть посмотрел на стенные часы. Это означа-ло, что время послеобеденного сна близится, и Рауф взглядом поторопил жену. Но она, не обратив на это внимания, помогала матери убирать со стола.

Теперь, когда перед ним открылась сияющая перспектива второй молодости, проблема обмена стала казаться мелкой, и разговор он завел больше из воспитательных соображений — для жены, с которой перед приходом сюда договорился, что об-меняться квартирами предложит она.

Тесть слушал его, не перебивая, и не сразу ответил, когда Рауф закончил описание несложной и обоюдовыгодной операции квартирного обмена. Сидел молча и рассеянно листал книгу.

— Вот, — сказал он. — Тоже интересная вещь. Можно на-учиться понимать язык животных. На мой взгляд, полезное снадобье. Прочитать?

Рауф с досадой мотнул головой:

— Тут важное дело: решается, можно сказать, судьба ваших внуков, а вы отвлекаетесь. Кому это нужно — разговаривать с животными!

— Здесь не указан способ, как с ними разговаривать, — по-правил его тесть. — Очевидно, это невозможно и с помощью магии. Животных можно только понять.

— Очень странно, — вмешалась теща. — Для чего ponado-бился такой обмен? У вас тоже неплохая квартира, правда, она не в центре, но вы сами всегда говорите, что там замечательный воздух. Переезжать на старости лет очень сложно. Я представляю, как придется перевозить всю мебель, одних книг две тысячи томов, мы здесь прожили тридцать лет, лучшие годы наши прошли в этих стенах, — голос ее дрогнул, и она замолчала, остановив на муже затуманившийся лаской взгляд, от которого Рауфа, считавшего всякое проявление нежности в возрасте тещи неприличным, передернуло.

— Вы меня не поняли, — терпеливо объяснил он. — Мы только оформим обмен, понимаете, оформим его. Юридически обменяемся квартирами, а на самом деле нет. Каждый где жил, там и останется. Только мы, — он кивнул на жену, неподвижно уставившуюся в стенку, — с двумя младшими будем прописаны здесь, а вы — у нас. И Руфатик там будет прописан. Слава богу, ему исполнилось шестнадцать, паспорт человек получил! Вы же сами его поздравили.

— Тогда в чем же смысл? — удивилась теща.

— «Ибо сказано, глубокий смысл познается не сразу», — процитировал тесть и засмеялся: — Совпадение! — Он повернулся к жене: — Рауф же объяснил: пока все останется по-прежнему, а потом он с семьей переселится сюда, а Руфатик останется в их квартире.

— Это когда же потом? — заинтересованно спросила Диляфруз ханум.

Тесть поднял голову и с улыбкой оглядел жену:

— А еще жалуешься, что постарела. Какой была в юности любопытной, такой и осталась. Сложная юридическая операция, а ты хочешь сразу в ней разобраться. — Обернувшись, он еще раз взглянул на настенные часы, это означало, что время непременно послеобеденного сна наступило окончательно, подошел к побледневшей дочери и непонятно почему погладил ее по голове: — Ты только не нервничай. Все уладится.

Проходя мимо, он кивнул на прощание Рауфу и скрылся в спальне. Рауф внимательно оглядел книгу, раскрыл потертый кожаный переплет и задумчиво полистал ветхие пергаментные страницы. Текст оказался для нормального человека непонятным, и, хотя в этот момент Рауф даже отдаленно не мог представить, какие изменения произведет в его жизни эта книга, он на всякий случай отнес ее в книжный шкаф и запер дверь, отгородив от постороннего глаза на верхний ряд — ему не хотелось, чтобы ее увидел кто-то еще. Унести книгу с собой

он побоялся. Несмотря на свой, в целом добродушный, нрав, старик свирепел, когда дело касалось книг. То, что тесть не ответил на его предложение, Рауфа не беспокоило. В отношениях с женой и ее родителями он рано или поздно своего добивался. Первое время после же-нитьбы, когда родители жены были еще молоды и полны энергии, на это у него уходило много усилий, но теперь, спустя тридцать лет, все его желания легко преодолевали любое сопротивление.

«Конечно, человек он ученый и все такое, но к жизни не приспособленный, я бы на его месте!..» — вспомнив слова о многочисленных званиях и степенях тестя, Рауф сокрушенно вздохнул, и этот вздох не остался незамеченным, сидящая напротив жена оценила его как осуждение своего пассивного, если не откровенно предательского по отношению к мужу, поведения.

Вид насупленной жены отвлекал от главного. И он, для того чтобы лучше сосредоточиться, прошел в кабинет тестя. Эта комната ему нравилась больше других в квартире, и, закрыв за собой дверь, он мысленно приступил к уточнению некоторых деталей плана, в главных чертах уже сложившегося в его голове. Из кабинета виднелось голубое море с белыми кораблями, расцвеченными флагами по случаю Первого мая. Через раскрытое окно попеременно с возбужденным щебетом птиц доносился шелест молодой листвы, и это означало, что следует торопиться — весна уже наступила. Он вернулся в гостиную, где жена с тещей кормили вернувшихся из кино детей и, с трудом дождавшись, когда они кончат есть, объявил сразу же погрузневшей семье, что пора домой.

В передней они встретились с родственниками. Пришел племянник тестя Кямилль с женой. Дядю своего он навещал каждую субботу, хотя необходимости в этом, по мнению Рауфа, не было никакой, так как последние три года после окончания Кямилем аспирантуры оба они работали в одном институте и, провозжая дядю с работы до дому, почти каждый день Кямилль виделся с нежно любимой теткой. К их совместному пребыванию в одном научном учреждении Рауф относился отрицательно, но с его мнением ни тесть, ни Кямилль не посчитались. Больше того, Кямилль работал на одном этаже с тестем, что, по мнению Рауфа, усиливало удар, наносимый терпению общественности. И хотя за три года в их адрес ни разу не выдвигалось обвинение в семейственности либо в патронировании, дальновидный Рауф знал, что рано или поздно кое-кому придется искать себе другое место, и от всей души, в глубине которой затаилась неприязнь к самоуверенному юнцу, желал, чтобы это случилось прежде, чем тот защитит диссертацию.

— Привет энергичным коммерсантам! — провозгласил Кямилль и, не заметив протянутой руки Рауфа, похлопал его по животу. — Специально отращиваешь?

Минара, жена Кямиля, высокая стройная женщина и привлекательная настолько, что каждый раз, увидев ее, Рауф начал испытывать сладостное томление, с трудом сдерживая смех.

«Смейся, смейся, — глядя на ее улыбающиеся губы, подумал он, — вполне может быть, что в ближайшее время я стану моло-жавей твоего голодранца мужа, который каждые полмесяца в командировке из-за своей несчастной диссертации, и тогда по-смотрим, кто из нас троих посмеется».

— Я как раз сегодня вспоминал о тебе, — добродушно сказал Рауф, которому вдруг захотелось извлечь хоть какую-то пользу из неприятной встречи. — Мне нужен твой совет. Подскажи, ка-ким образом можно вступить в Общество охотников.

— И рыболовов, — машинально добавил Кямиль, он и впрямь был удивлен: — Ты сам хочешь вступить?

— Ну да, — подтвердил Рауф. — Стану я за другого просить.

— Ты же всю жизнь терпеть не мог охоту и вообще природу. И вдруг решил стать охотником. По-моему, мы с тобой разок ездили поохотиться. В Лянкяране, кажется?

— Да разве это охота была, — возмутился Рауф, вспомнив, как лет десять назад он побывал с тестем и Кямилем в Кызыл-Агачском заповеднике.

От поездки у него остались самые непри-ятные воспоминания. Со стороны это действительно напоминало охоту. Тесть и Кямиль с близкого расстояния почти в упор стреляли в непуганых зверей из автоматических пятизарядных ружей. Раненые маралы и джейраны, пробежав несколько десят-ков метров, медленно опускались на землю и дальше в сонном оцепенении не обращали внимания на людей, которые, сде-лав на их шкуре специальной краской метку, заклеивали неглу-бокую ранку от пули-ампулы лейкопластырем. Это продолжа-лось целый день. Пообедали наспех бутербродами, а когда Рауф, собрав под палящим зноем хворост для костра, собрался было нарезать на шашлык маленького, чуть побольше ягненка, марала, Кямиль и тесть набросились на него с такой яростью, словно он собирался воткнуть нож в их любимого деда — аст-матика Газанфара. Обиженный Рауф немедленно ушел бы, до автостоянки было от силы километров пять, но дорогу, вернее тропу, дважды пересекали заросли камыша, и он побоялся за-блудиться. Сидя на бетонной трубе, приготовленной для буду-щего газопровода, перед кучей хвороста, он скорбно удивлялся, как это из-за явно недорогого животного так легко расстались с человеческим обликом Кямиль с тестем, и одновременно обдумывал варианты будущего возмездия в нормальных городских условиях, когда из-за деревьев на поляну выскочил здоровенный кабан. По сравнению с другими обитателями заповедника — оленями, фламинго и даже шакалами — Рауфу он показался чересчур диким и неопрятным. Его массивная туша, поросшая редкой черной щетиной вплоть до мутных, излившихся кровью глазок, была в бурых пятнах высохшей грязи; еще более неприятно выглядели огромные желтые клыки, круто загнутые кверху острыми концами. Свирепо хрюкнув, кабан ни с того ни с сего вдруг ринулся на Рауфа. Несколько секунд,

оставшихся до начала единоборства, оказалось достаточно пронизательно-му Рауфу, чтобы разгадать намерения коварного зверя и благоразумно отказаться от поединка. По сравнению со стремительно скачущим кабаном он выглядел резвой полевой мышью, когда, соскользнув с трубы, несколькими ритмичными скачками достиг начала ее и юркнул в спасительную дыру. В соответствии с расчетами Рауфа кабан за ним не полез. Некоторое время, удивленно хрипя и фыркая, он разглядывал ускользающие в глубь будущего газопровода пятки, а затем остановился, ноги у него подкосились, и он свалился на бок под усыпляющим действием недавнего выстрела.

Кямилль начал хохотать с того момента, как увидел высунувшуюся из трубы голову Рауфа. Прибежал запыхавшийся тесть, в то время он еще был в состоянии бегать. Старик был страшно взволнован. Пока он собственноручно помогал Рауфу обмести налипшую повсюду паутину и расспрашивал, как тот себя чувствует, Кямилль продолжал смеяться. Воспоминания об этом дурацком смехе до сих пор вызывали у Рауфа не меньшее от-вращение, чем хрюканье и сопение кабана.

— Что нужно для того, чтобы вступить в это общество?

— Заявление, наверное, фотография, справки какие-нибудь. Ведь сам я вступил давно, когда еще был в армии, а сейчас там правила, по-моему, другие. Но я узнаю. Не пойму только, для чего тебе это понадобилось. Неужели в самом деле потянуло к охотничьей жизни?

«Так я тебе все и выложил», — усмехнулся про себя Рауф. Он внимательно посмотрел вслед Минаре, которой надоело стоять в передней, и она прошла в гостиную.

— Удивляйся, удивляйся, — слегка повысив голос, сказал он, ему хотелось, чтобы это услышала Минара. — Думаешь, Рауф — простой человек, ничем кроме семьи не интересуется? Когда-нибудь поймешь, как ты во мне ошибался.

Все было продумано замечательно: она обернулась и окинула Рауфа задумчивым взглядом, и все в нем возликовало.

— Во-первых, я никогда не думал, что ты так уж интересуешься семьей, а во-вторых... — вместо того, чтобы прекратить затянувшийся разговор и попрощаться с двоюродной сестрой и ее детьми, Кямилль, как всегда, полез с ненужными объяснениями.

Но Рауф не дал ему договорить:

— Если ты такой умный, иди свою диссертацию защити. Четвертый год возишься. До свидания, — громко захохотав в знак того, что последнее слово осталось за ним, он вышел из подъезда.

В общество он вступил через месяц, и в тот же день, предъявив в охотничьем магазине новенькое членское удостоверение, купил ружье. Не отходя от прилавка, Рауф внимательно проверил сделанную продавцом отметку и прошел к заведующему, который заверил паспорт подписью и печатью магазина. Теперь, когда ни один из его многочисленных недоброжелателей и завистников ни при каких обстоятельствах не мог обвинить его в незаконном владении огнестрельным оружием, Рауф забрал свою покупку, которой была отведена одна из важных ролей в успешном выполнении тщательно продуманного им плана, и положил в багажник. Дома он никому ружья показывать не стал; как было, в брезентовом футляре, спрятал его за вешалку.

В дни, когда созревает тмин, Рауф стал почти ежедневно после работы уезжать за город. К этому времени он уже знал наперечет все апшеронские кладбища, где росли пахучие, в по-ловину человеческого роста кусты, напоминающие пляжные зонты на макете морского курорта. Раньше всех поспел тмин на пиршагинском кладбище. Наклонившись, Рауф внимательно осмотрел ближайшую верхушку — зерна потемнели и легко вылущивались из сморщившегося за последние сутки абажура.

Несмотря на легкую озабоченность, связанную с предстоящими делами, настроение у Рауфа в это утро было прекрасное. Он сидел и наслаждался душистой, пронизанной почтительным вниманием атмосферой парикмахерской, а тем временем Агасаф под монотонный стрекот ножниц рассказывал ему городские новости, заслуживающие внимания солидного человека.

— На днях ты мне понадобишься, — улучив минуту, сказал Рауф, осторожно шевеля губами в мыльной пене. — Небольшая прогулка за город.

Приглашение Агасафу явно пришлось по душе, но ответил он не сразу, вначале как бы прикинув в уме, есть ли у него та-кая возможность.

— Ладно. Только имей в виду — выходной у меня в среду.

— Очень хорошо, завтра и поедем.

— Так завтра же вторник.

— Это будет ночная прогулка. Утром выпишься. Поедем в Шувеляны.

— Ты понимаешь, я же должен объяснить дома, зачем ухо-жу на всю ночь, — уже сообразив, что его приглашают не на пикник, промямлил Агасаф.

— Скажешь, что твой друг Рауф попросил тебя помочь в одном научном опыте.

— В Шувелянах? Там что, академию наук открыли? — хмыкнул Агасаф. — Моя старуха родом из тех мест. Ей только скажи такое! Она-то хорошо знает, что, кроме милиции, там никакого научного учреждения нет.

— Ты мне должен помочь в серьезном деле, которое займет всего-навсего часа три. Из города выедем в начале второго...

— А в Шувелянах что будем делать? — перебил Агасаф.

— Я и не знал, что ты такой любопытный, — с неудовольствием сказал Рауф. — А ну-ка, убери бритву. Убери, говорю, бритву от лица.

— Зачем?

— На всякий случай, — проворчал Рауф. Во избежание случайностей во время поездки он решил кое-что сообщить Агасафу заранее. — Мы поедем на кладбище. Да-да, ничего удивительного. Всего на три часа. Ты там даже из машины не выйдешь. Ну как?

— Шутишь? — с надеждой спросил Агасаф.

— Это тебе с непривычки кажется странным, — объяснил Агасафу Рауф. — Когда приедем, ты все поймешь. Ничего страшного.

— Может быть, вместо меня...

— Конечно, — подхватил Рауф, — вместо тебя многие согласились бы поехать, но они мне не нужны. Ты мой друг, ты единственный человек, кому я доверяю, и поэтому я обратился к тебе, — после этих слов у Рауфа несколько испортилось настроение, потому что совершенно случайно он вспомнил при этом свою жену, которая вбила себе в голову и

несколько раз высказывала вслух, что у Рауфа, кроме Арифа, который тоже куда-то давно исчез, не было и нет настоящих друзей.

— Я же еще не отказал, — примирительным тоном сказал Агасаф. — Напрасно ты обижаешься. Но подумать я должен. Что ни говори, а кладбище ночью — место, наверное, не самое приятное.

...Было всего два часа ночи, когда они подъехали к шувелянскому кладбищу. Светать начинало около шести, но рискнуть из-за какой-нибудь случайности, например, преждевременного крика страдающего бессонницей петуха, Рауф не соби-рался — он приехал сюда для того, чтобы начать сбор тмина с первым петушиным криком, и ему была необходима уверенность, что крик этот и в самом деле первый.

— Далеко отсюда? — неподвижно глядя перед собой, спро-сил Агасаф, когда машина остановилась у кладбищенских во-рот. Рауф обратил внимание, что по сторонам Агасаф старается не смотреть.

— Да вот же, — он развернул машину и, включив на полную мощь фары, показал Агасафу ворота с приоткрытой калиткой.

— Я тебе советую отложить твое дело до утра, — подумав, сказал Агасаф. — Это я к тому, что в потемках там можно на-пороться на змею или на бешеную собаку, мало ли что...

— Чудак, — Рауф пронизательно посмотрел на перетрусившего старика и усмехнулся. — Живых надо бояться, а те, что здесь, ничего уже плохого сделать не могут. Хочешь, оставай-ся в машине.

— Если я тебе понадобится, крикни, — сказал вслед Рауфу Агасаф и запер изнутри все дверцы.

— Вот и хорошо. Сиди и слушай радио. Вода и бутерброды на заднем сиденье, — ответил Рауф. — Я скоро вернусь.

Машина была снабжена надежным противоугонным устройством, которое было связано с вмонтированным под передней панелью японским комбайном, состоящим из радиоприемника, цветного телевизора и стереофонического магнитофона с ревер-сом. Рауфу было хорошо известно, что этот замечательный аг-регат вызывал законное восхищение у многих городских авто-любителей, а также у некоторых шустрых пешеходов, могущих с первого взгляда прикинуть сумму от его продажи после изъятия, и поэтому

никогда не оставлял машину без присмотра. Конечно, он не стал бы утруждать Агасафа, если бы знал, что еще не создан шедевр мировой радиотехники, из-за которого хоть один шувелянец согласился бы ночью прогуляться возле кладбища, но сообщить ему об этом было некому.

Железная калитка, когда он с усилием потянул ее на себя, протяжно заскрипела, и он подумал, что, может быть, ею пользуются редко, так как днем ворота на кладбище всегда распахнуты настежь. Фонарик не понадобился. Полная луна ясно освещала все кладбище, лишь за надгробьями отбрасывая на белый песок густые тени, настолько четкие, что тянуло через них перешагнуть. Он прошел к кустам, здесь между забором и первым рядом могил тмин образовал заросли, и сел на каменную плиту.

Море было близко, но из-за начавшейся моряны, резкими порывами заполнившей пространство теплым туманом и роко-том воды, казалось, что оно начинается сразу же за забором, и ему пришлось застегнуть пиджак на обе пуговицы, потому что отсыревшая рубашка неприятно липла к коже. Рауф удивился, посмотрел на часы — как быстро пролетело время.

Глядя на еле заметно посветлевшее на востоке небо, он прикинул, что до пробуждения даже самого ленивого петуха осталось не больше часа. Левая нога начала затекать, и он, встав, дважды прошелся взад и вперед по узкой песчаной тропинке между рядами могил. Ветер утих, как это часто бывает на Апшероне, он прекратился вдруг, словно перед ним захлопнулась дверь, и сразу же вслед за этим затихли в неподвижном воздухе шелест листвы и звон сверчков. Теперь над кладбищем был слышен только монотонный гул невидимого моря.

Он не испытывал ни малейшей робости, в его сознании, воспринимавшем все явления окружающего мира через призму здравого смысла, с надежным фильтром для всего, что могло исказить совершенные черты реальности, этот огороженный каменным забором обширный участок живописного берега с длинными рядами массивных плит из аглая, гранита и других дефицитных строительных материалов над давно истлевшими костями выглядел как нелепый и дорогостоящий пережиток прошлого.

Сквозь легкую дрему Рауф почувствовал, что запахло чем-то приятным. Еле ощутимый вначале аромат быстро усиливался, как будто совсем рядом открыли бутылку с душистой жидкостью. Заинтересовавшись, Рауф встал и, подойдя к кустам, убедился, что возникший вдруг сладко-приятный запах исходит от растений. Парфюмерная активность куста началась в начале пятого, и как раз в это время закричал первый петух. Почти сразу же к нему присоединились другие. Рауф успел вырвать с корнем не-сколько стеблей за мгновение до того, как к лидирующему со-листу присоединился хор. Своим оглушительным многоголосием он вызывал ощущение близкого соседства с птицефермой, созданной исключительно для разведения петухов с повышенной голосистостью.

В наступившей тишине неприятно тоскливо звучал доносившийся с моря крик одинокой чайки. Рауф собрал аккуратно раз-ложенные на плите один к одному стебли в объемистый букет и перевязал его посредине. Ему показалось при этом, что букет уже не пахнет; так и оказалось. Сильный аромат, прогнавший сонливую востанность, вдруг перестал ощущаться.

Удивленный, он вернулся к зарослям. Добросовестно обню-хав верхушки нескольких кустов, уловил лишь легкий запах от-сыревшей травы. Прекрасный аромат исчез начисто, а сочные, покрытые нежной кожей стебли, которые четверть часа назад так легко ломались под пальцами, теперь обрели упругость нейло-новых хлыстов. Оторвав один стебель, для чего пришлось измо-чальить волокнистый ствол, он покачал головой в знак восхище-ния автором древней рукописи, раскрывшим тайну дистанцион-ного управления, благодаря которому и состоялся на пользу Рауфу этот ночной сеанс незримой связи между животным и растительным миром...

С тминным снопом в руках он совсем было собрался уйти, когда его взгляд случайно упал на невысокое заостренное над-гробье, прислонившись к которому, он провел ночь. Время и морской воздух давно разъели краску, оставив на замшелом камке вместо имени человека скорбно темнеющий прочерк. Нижняя строка сохранилась лучше, из двух дат — рождения и смерти, — в сочетании составляющих краткое описание любой жизни, осталась лишь первая: «9.6.1929», которую можно было прочесть не напрягая зрения, что Рауф и сделал, после чего у него мигом улетучились остатки сонливости, ибо эта единственная дата на заброшенной безымянной могиле произвела на него крайне отри-цательное впечатление и повлекла за собой к концу созерцания легкий озноб и некоторое смятение мыслей.

Не отрывая неподвижного взора от донельзя знакомого числа, пятьдесят с лишним лет назад отметившего в вечности его собственный день рождения, он прежде всего строго приказал взять себя в руки, но почти сразу понял, что приказ этот выполнен не будет. У него возникло жгучее желание отыскать еще хоть что-то — слово или даже букву... Он включил фонарь, но снова увидел на фоне бессмысленных узоров тускло блеснувшую под лучом бронзу знакомого числа, чье одинокое присутствие в этом неподходящем месте превращало надгробье в нечто, имеющее неопределенно-зловещее отношение к нему.

Он медленно отступил от могилы по заскрипевшему песку, затем медленно, стараясь не смотреть по сторонам, повернулся и, с трудом удерживаясь, чтобы не сорваться на бег, устремился по главной аллее к выходу. При этом он уже через несколько шагов сообразил, что самая неприятная часть пути проходит мимо кипариса, неподвижно застывшего справа от ворот. На первый взгляд тот ничем не отличался от своих соседей, и поэто-му, входя, Рауф не обратил на него внимания, но теперь он чув-ствовал, вернее, совершенно определенно знал, что из черной бархатистой зелени кто-то смотрит и, не сводя с него холодных мертвых глаз, терпеливо ждет его приближения.

Под грузом этого знания он настолько обессилел, что вынужден был остановиться. Стоял он очень недолго, всего несколько мгновений, пока не ощутил на затылке влажное прерывистое дыхание, а на спине блуждающее прикосновение рук, слабыми скребущими толчками подталкивающее его к тому, что грозно затаилось в глубине мохнатого сгустка мрака. От всего этого у него зашевелилась кожа на голове и усилился озноб, а из онемевших рук почти одновременно выпали букет и термос.

Рауф побежал, но почти сразу обнаружив, что на подкашивающихся ногах это получается плохо, стал на ходу подбадривать себя молодецкими хриплыми выкриками, которые, многократно возвращаясь гулким эхом вроде устрашающей боевой песни, очень скоро довели его до спасительного беспамятства.

Сжавшись в комок, Агасаф безмолвно наблюдал, как Рауф после нескольких судорожных попыток завел остывший мотор и тут же вслед за этим, ни разу не поменяв низкой передачи, с места устремил в затяжной рывок надрывно завывающую машину.

Постепенно Рауф стал приходить в себя. Первые признаки самообладания появились после Мардакян, когда он включил радио и с напряженным вниманием целиком выслушал длинную передачу, позволяющую благодаря частому упоминанию слов «сеньор» и «коммуна» предположить, что она ведется на испанском или, в крайнем случае, на итальянском языке, а затем, увидев рядом с собой пассажира и узнав его с первого взгляда, поздоровался и, непринужденно вступив в разговор, осведомился, как у того идут дела дома и на службе, на что Агасаф почтительно дал подробный ответ.

Когда они въехали в город, душевное равновесие Рауфа восстановилось настолько, что он уже был в состоянии произвести в уме предварительный анализ минувших событий и сквозь зубы огласить его результат:

— Старый негодяй! — после чего, сообразив, что эти слова могут повлиять на впечатления Агасафа от загородной прогулки, уверил, что вышесказанное, разумеется, относится не к нему, а целиком и полностью к тестю, при помощи псевдонаучных доводов надумившему его на совершение наиглупейшего поступка, какой только может совершить нормальный взрослый человек.

— Я тебя предупредил, что не стоит ходить ночью на кладбище, — слабым голосом напомнил Агасаф, почувствовав, что наступило время для беседы. — Очень ты меня напугал. Не представляешь, какой у тебя был жуткий вид, когда ты подбежал к машине.

— Думаешь, я кладбище испугался? Ничего подобного! Кладбище есть кладбище, хоть ночью, хоть днем: каменные плиты, а под ними истлевшие кости! — возмутился Рауф. Он действительно не был суеверным. Более того, он мог даже считаться в какой-то степени

атеистом, так как, постоянно сомневаясь в существовании бога, в глубине души сильно надеялся, что его нет. — Если говорить честно, меня там очень расстроила одна вещь, о которой я расскажу, когда приду в парикмахерскую... Спасибо тебе за помощь. — Он остановил машину у дома Агаса-фа и с чувством пожал на прощание его холодную узкую руку: — До свидания. Увидимся дней через десять. Я позвоню.

Домой он добрался чуть ли не мгновенно, по крайней мере так ему показалось, когда он вдруг обнаружил, что уже въезжает во двор. От состояния неприятной бодрости ему не удалось избавиться и позже, после того, как, заперев машину в гараже, он вошел в дом. Еще некоторое время посидел на кухне, выпил бутылку пива, закусил бутербродом, потом здесь же разделся и, стараясь не шуметь, прошел в спальню.

Заснул он все же быстро, но, как выяснилось позже, никакого удовольствия от этого не получил. Ему привиделся сон.

На первый взгляд, в том сне ничего особенного и не произошло, начался он вообще с приятного: Рауф увидел себя на скале с удочкой в руке. Погода стояла при этом прекрасная, небо сплошь радостно голубое, но без солнца, а прозрачная вода того же цвета с высоты скалы казалась теплой и вместе с тем прохладной — одним словом, до того приятной, что захотелось Рауфу во сне окунуться всем телом в эту ласковую воду и напиться ею до полного утоления жажды. Но именно в тот момент, когда он собирался отшвырнуть удочку и нырнуть в хрустальную глубину, затрепыхалась на крючке рыбешка в полтора мизинца, бычок или килька. И на этом приятная половина сна закончилась. Удочка стала тяжелой, как лом, и ходуном заходила в руках, а вместо бычка выбиралась из воды в судорогах и конвульсиях огромная черная рыба с выпученными глазами и тарасилась на Рауфа, заглатывая леску; все ближе подбиралась она к скале и вместе с хриплыми стонами выплевывала из разинутой пасти с желтыми и кривыми зубами гроздь кровавых пузырей. Хотел Рауф отбросить удочку и убежать куда глаза глядят, но она намертво прилипла к рукам. И тогда, не в силах отвести взгляда от страшных глаз морского чудовища, срывающего его со скалы в черную пучину, он затрясся как лист и закричал пронзительным голосом. После пробуждения у него долго колотилось сердце, а полумрак спальни был настолько невыносим, что он перебрался к жене, истолковавшей это как внезапный порыв нежности, пока-завшийся ей еще более ценным и возвышенным после того, как сугубо платонический характер неожиданного прихода определился окончательно.

Судя по тишине, дома никого не было. Лежа в постели, он несколько минут предавался размышлениям, но как только сквозь их сумбурно-блуждающие ряды проглянуло темное неподвижное пятно, напомнившее и цветом и мутными узорами надгробье неизвестного сверстника, занятие это показалось ему неприятным, и он тут же его прекратил.

Завтракать ему не хотелось. Вместо этого Рауф заходил по квартире, всем своим видом напоминая человека, раздираемого сомнениями самого неприятного свойства. Бесцельное блуждание закончилось в передней, где, после легкого столкновения, его

рассеянный взгляд привлек столик с телефоном и часами, пока-зывающими полдень. Это привычное сочетание бытовых приборов сейчас подействовало как призыв к выполнению служебного дол-га, и Рауф отозвался на него, твердой рукой набрав номер своего учреждения. Многозначительно кашлянув, он сообщил секретар-ше, что на работе, по причинам, не подлежащим оглашению, он до конца дня не появится. Рауф положил трубку и, еще раз глянув на часы, быстрым шагом вышел из передней. Чувствова-лось, что человек наметил на ближайшее время какую-то цель, но, несмотря на спешку, он тщательно привел себя в порядок, потра-тив на это важное дело ничуть не меньше времени, чем перед выездом из дому в обычные дни.

Не доезжая несколько километров до Пиршагов, он свернул на проселочную дорогу и почти сразу же остановился у «Мель-ницы», одноэтажной закуской, издавна славящейся среди истинных знатоков здоровой и питательной пищи искусно приго-товляемыми здесь хингалем и кутабами. Рауф прошел к дальнему столику и заказал чай. Несмотря на соблазнительные ароматы, навеваемые в зал из кухни, есть ему так и не захотелось, что вызвало законное недоумение у Сабира, длинного худого офи-цианта, последние тридцать лет исполняющего здесь также обя-занности заведующего и экспедитора. Недоумения своего он ничем не выказал, только подавая варенье и сахар, внимательно посмотрел на Рауфа. Но позже, наполняя стакан из красного фарфорового чайника, предназначенного исключительно для постоянных клиентов, он, опять же ничего впрямую не спрашивая, позволил себе заметить, что не такой уж это хороший чай, что-бы стоило специально из-за него ехать сюда из города.

Рауф упираться не стал и, признавшись, что целью его при-езда является не чаепитие, попросил Сабира подскочить с ним на полчаса по неотложному делу в Пиршаги, но в ответ тот лишь беспомощно развел руками, посторонившись при этом, чтобы не загоразивать от Рауфа зала, по которому, не поспевая обслужить многочисленных в обеденный перерыв посетителей, проворно сновали два официанта.

— Жаль, — сказал Рауф. — Я на тебя рассчитывал. Видишь ли, мне нужно съездить на кладбище...

Как он и ожидал, Сабир не дал ему договорить. Скорбно по-качав головой, он снял фартук и пошел за ним к машине.

Рауф пожалел, что взял с собой Сабира, как только они во-шли в кладбищенские ворота. Потому что на фоне голубого неба и морской глади ряды мраморных и гранитных надгробий под сенью стройных вечнозеленых кипарисов скорее напоминали теперь место, специально огороженное для уединения влюблен-ных или ценителей птичьего пения, чем заброшенное сельское кладбище, обладающее свойством портить нервы человеку в ночное время суток.

Еще раз он убедился в преимуществах дневного освещения перед любым другим, как только они приблизились к знакомо-му надгробью, на котором сейчас, не напрягая зрения, можно было прочесть слегка зацветшую надпись: «Мамедзаде Шейда 9.6.1929 — 15.4.1980», что Рауф с удовольствием и облегчением проделал дважды.

Сабир, уставившись на плиту, украшенную тминным букетом и термосом, стоял рядом. Оба хранили приличествующее обстоятельствам молчание, которое начало затягиваться из-за того, что Рауф не знал, как объяснить Сабиру причину приглашения на кладбище.

— Это могила моей родственницы, — наконец произнес Рауф. — Замечательная женщина была: добрая и отзывчивая. Круглая сирота.

— Мир ее праху, — отозвался Сабир, предоставляя этим собеседнику дополнительное время на обдумывание. — Хорошее не забывается.

— Хочу могилу ее привести в порядок. В апреле годовщина, — показав на вторую дату, сказал Рауф. — Соберутся родственники — неудобно, могила в таком состоянии. Вот и решил с тобой посоветоваться.

— Это ты правильно надумал, — одобрил Сабир. — Скажу тебе сразу: сложного здесь ничего нет, облицовку кое-где надо подправить и надпись обновить, а душе от этого большая польза. Как имя покойницы?

— Мамедзаде Шейда, — сверившись с надписью, ответил Рауф.

— А отца как звали? Здесь не написано.

— Отца? Бегляром звали ее отца, — без запинки сказал Рауф.

— Мамедзаде Шейда ханум дочь Бегляра, — медленно записал в потрепанном блокноте Сабир. — Надо нормальную надпись сделать. Можешь быть спокоен, я сам этим займусь. К 15 апреля все будет готово.

— Никогда не соглашусь! У тебя своих забот хватает. Мне умный совет нужен, остальное я сам сделаю. Пошли! — Оттого, что реставрация чужой могилы и в самом деле никогда не входила в планы Рауфа, возражение прозвучало очень убедительно, и Сабир вынужден был покориться.

Когда они подъехали к «Мельнице», Рауф еще раз поблаго-дарил Сабира за дружескую поддержку, но тот не стал его слу-шать.

— Ты меня извини, — прощаясь, сказал Сабир, — но я тебе вот что скажу. Столько лет мы знакомы, а что ты за человек — я узнал только сегодня. Молодец. Среди людей нашего возраста не часто встретишь человека, уважающего народные традиции.

Через сорок минут Рауф был дома. Поездка почти раство-рила неприятный осадок от ночных воспоминаний, тминные го-ловки уже сушились в гараже, но на сердце у него все-таки было беспокойно.

— Что-нибудь случилось? — внимательно оглядев его в пе-редней, спросила жена.

— Все в порядке. А что?

— Звонил какой-то мужчина, это было в два часа, попросил тебя разбудить. Я сказала, что тебя нет дома... По-моему... Он спросил, как ты себя чувствуешь. Мне он показался чем-то встревоженным. Его зовут Агасаф.

— Агасаф? Понятно, — засмеялся Рауф. — Это мой прия-тель, заведомом из Министерства здравоохранения. Очень за-ботливый человек. Между прочим доктор наук. Мы вчера слу-чайно встретились после работы, ты не представляешь, какой я был уставший, вот ему и показалось, что я плохо выгляжу. Пульс прямо на улице проверил, спросил, какое давление, а по-том взял слово, что буду за собой следить. Ты гляди — сразу и позвонил. Молодец, Агасаф.

— Он просил позвонить.

— Надо будет как-нибудь пригласить его в гости, — сказал Рауф. — Звонить просто так нет никакого смысла. Ты же с ним поговорила.

Обедать они сели вдвоем.

— Ты действительно нездоров, — сказала жена после того, как, отказавшись от первого, Рауф рассеянно отодвинул от себя тарелку с недоеденным жарким.

— Да нет... А где дети?

— У соседей, должны скоро вернуться.

О детях Рауф подумал с удовольствием — они пошли в него и были такими же, как он в молодости, высокими и стройными. На этом, правда, сходство кончалось. Рауф все чаще замечал, что в характере и манерах сыновей сильно проявляется материнская порода. Против этого он, в общем-то, ничего не имел, хотя порой его удивляло и слегка настораживало, что здоровые ребята, студенты, которым он никогда не отказывал ни в чем, вместо того, чтобы предаваться развлечениям, присущим их возрасту, чересчур много занимаются и большую часть своего досуга добровольно отдают чтению. Оба учились на биофаке, старший, Расим, — на третьем курсе, Руфатик — на первом, Из-за «нехватки» времени воспитание детей Рауф целиком доверил жене, оставив себе улаживание трудностей, с которыми без мужской поддержки трудно справиться матери двух взрослых сыновей. Но ни в детстве, ни позже нужды в его вмешательстве почти не возникало. Только с недавних пор он был вынужден делать им замечания, особенно старшему, за частое употребление его любимых словечек и выражений.

Времени до ухода осталось мало, но Рауф все-таки полчаса подремал, и это заметно освежило его. Побрившись, он переоделся и, пройдя в столовую, объявил жене, что идет в гости к Арифу играть в нарды. Не поднимая головы от разложенных перед ней на столе курсовых работ, она в ответ кивнула и посоветовала взять с собой ключ. Рауф знал, что жена ему не поверила, но это ничуть его не беспокоило. Времена бурных сцен ревности и переселений к родителям миновали давным-давно, и с тех пор Рауф пользовался неограниченной свободой. К жене он относился хорошо, как к близкой и доброй родственнице, и по мере возможности старался делать ей приятное. На людях — в театре, на концерте или в гостях, куда они отправлялись по какому-нибудь торжественному поводу, он появлялся непременно с ней и никогда не отказывал в ее редких просьбах, связанных с покупками и расходами на поездки.

Халида и теперь выглядела вполне миловидной — ее фигуру при доброжелательном отношении еще можно было именовать стройной, а на лицо жены, с нежной родинкой на щеке и улыбочивыми губами, вызывающее в памяти девушку, с которой он познакомился когда-то на студенческом вечере, Рауф и ныне изредка поглядывал не без удовольствия.

В ту зиму Рауф, студент Кировабадского сельскохозяйственного института, вернулся в родной город после томительного полугодового отсутствия на каникулы. Профессией агронома он овладевал с трудом и без всякого удовольствия по двум причинам. Если первая — стойкое отвращение к любой области сельского хозяйства — казалась ему уважительной и представляла его в глазах бакинских приятелей, да и в собственных, как человека тонкого вкуса, то вторая, из-за которой три года назад Рауфа исключили из числа студентов юридического факультета за хроническую неуспеваемость и пропуски занятий, проистекала, главным образом, от непреодолимой лени и переоценки своей

неуязвимости, обеспеченной деньгами, связями семьи, и счита-лась недостойной упоминания вслух.

Между прочим, вынужденный уход из университета вовсе не означал, что перспектива стать юристом в то время казалась Рауфу недостаточно заманчивой. Напротив, в своих мечтах, связанных с прекрасным будущим, он всегда видел себя проку-рором. Ему очень хотелось стать именно прокурором, так как, по его мнению, подкрепленному регулярными наблюдениями, это звание, будучи одним из наиболее выгодных и чтимых, наде-ляет своего обладателя одновременно и властью, и обеспеченным существованием, не требуя взамен ни риска, неизбежного при добывании средств, ни изнурительного труда — основной подъемной силы на долгом извилистом пути к вершинам искус-ства или науки. И это несоответствие возвышенных надежд юного Рауфа с его поведением на юрфаке, подобно узко направ-ленному лучу, обнаружило блеснувшую тусклым светом еще одну грань взрослеющей натуры.

...Он поехал к тестю. На душе ничуть не полегчало, когда, войдя в гостиную, он увидел Кямиля. Тесть не мог скрыть удивления, узнав, что Рауф, появлявшийся, как правило, вместе с женой и детьми, пришел один. Поздоровался он подчеркнуто сухо, ви-димо, предположив, что зять пришел продолжить разговор о квартирном обмене. Кямиль же встретил Рауфа приветливой улыбкой и, одобрительно отозвавшись о его цветущем виде, объяснил это благотворным воздействием растительного образа жизни. Почувствовав, что разговор выходит за пределы его возможностей, Рауф постарался перехватить инициативу.

— Молодец, — сказал он, усаживаясь за стол. — Наблюда-тельный. Ты мне только поскорее на один вопрос ответь: на ноги свои не жалуешься?

— В каком смысле? — удивился Кямиль.

— В прямом. Ноги у тебя, спрашиваю, здоровы? Не бо-лят? — озабоченно осведомился Рауф, с удовлетворением наблюдая, как под действием испытанного приема с лица собе-седника сползает улыбка. — Говори правду!

— Никогда не болели... Здоровые, — пожал плечами Кя-миль.

— Тогда сходи поскорее на кухню и попроси Диляфруз ханум, чтобы дала нам чаю, — хихикнул Рауф. — Кто здесь младший? Вот и ступай. Расскажешь там и про растительный образ жизни. А мне не надо, я про жизнь больше тебя знаю.

Выждав, когда усмиренный Кямиль выйдет, Рауф как бы между прочим уверил нахохлившегося старика, что зашел в гости без всякой специальной цели, а только по

потребности в содержательной беседе, наподобие той, что состоялась в прошлый раз — с читкой отрывков из захватывающе интересной книги. Это заметно улучшило настроение тестя.

Следующие сорок-пятьдесят минут Рауф без всякого удо-вольствия вынужден был присутствовать при разговоре, бессмыс-ленном, по его мнению, как с научной, так и с житейской точки зрения. В том, что вся беседа есть не что иное, как сплошное словоблудие, прикрытое для отвода глаз всякими научными терминами, он убедился в конце, когда Кямиль проговорился, что по техническим причинам эксперимент, о котором с таким увлечением спорили дядя и племянник, в лучшем случае будет поставлен не раньше, чем лет через двадцать. Рауф давно уже понял, что люди, подобные родственникам его жены, при всех своих способностях и уме, именно потому беспомощны в устрой-стве своего благополучия, что им не хватает времени на всевоз-можные житейские мелочи, на то, чтобы поймать удобный слу-чай или придумать какое-нибудь хитроумное средство, которое улучшило бы их благосостояние, ибо тратят они свои силы на бесполезные вещи. И еще он понял, что умный человек может извлечь немалую выгоду из умелого использования вышеназ-ванных обстоятельств, и со временем полностью овладел этим умением.

После ухода Кямиля Рауф без труда устремил мысли тестя в нужном направлении и теперь с упоением внимал его веским доводам в пользу врачей древности.

— И все-таки не очень верится, что человеку можно вернуть молодость, — усомнился Рауф, в глубине души надеясь полу-чить сокрушительный отпор ученого собеседника.

— Так же, как и детство, — подхватил тесть. — И ты прав. Развитие человека — процесс необратимый. Тут главное суть, а не название. Колумб ведь тоже не знал, что открыл Америку, но главное, что он открыл. Ты меня понимаешь? Цель геронтоло-гии, и древней, и нынешней, — научиться лечить такую тяжелую болезнь как старость. Я, например, уверен, что это болезнь, а в принципе любую болезнь можно лечить. И, судя по некоторым фактам, древние умели это делать. Сейчас я тебе кое-что пока-жу, — тесть с трудом, в два приема встал из-за стола и, мед-ленно переставляя ноги, направился в кабинет. Выглядел он плохо, и Рауфу, глядя на него, мельком подумалось, что с обме-ном следует поторопиться.

— Ты, наверное, помнишь, — вернувшись с массивным потре-панным томом, сказал тесть, — что Юлию Цезарю, когда он в 48 году нашей эры прибыл в Египет, было пятьдесят четыре года. То есть по нормам того времени он считался чрезвычай-но пожилым человеком. Между прочим, — вскользь отметил тесть, — Цезарю тогда было столько же лет, сколько тебе.

— Известное дело, — буркнул Рауф.

— Неизвестно другое, — усмехнулся тесть. — Чем объяснить, что Цезарь, вдруг забросив все важнейшие государственные дела, рискуя свободой и жизнью, совершает в течение двух месяцев, как наряду с другими историками пишет Аппиан, путешествие по Нилу вплоть до южной границы, предаваясь охоте и другим наслаждениям. Поведение Цезаря необычно, оно вызывает откровенное недоумение у современников и ученых позднего времени. Например, такой серьезный исследователь как Гельцер прямо говорит: «Десятимесячное египетское ин-термеццо задает любому наблюдателю жизненного пути Цезаря более чем загадку». Выражает крайнее удивление и Плутарх: «...Непонятно, что побудило Цезаря, крайне рационального человека, столь легкомысленно поставить на карту все, чем ода-рила его судьба». Плутарх тоже пишет о том, что целью этого странного путешествия была охота. Надо при этом отметить, что ни до, ни после пребывания в Египте Цезарь не увлекался охотой. Вскоре после путешествия у него начался бурный, я бы сказал, юношеский роман с Клеопатрой, который приносит им ребенка, а еще позже он возвращается в Рим, неузнаваемо преобразившимся, помолодевшим, пышущим здоровьем и неумемной энергией. А вот свидетельство еще одного автора, он вскользь упоминает об облаве на носорога, которого нужно взять живьем, и о многочисленных жертвах этой нелепой на первый взгляд забавы...

— Мне одно непонятно: зачем им понадобилось ловить носорога, легче же убить его? — спросил Рауф.

— Ты, наверное, в прошлый раз невнимательно слушал, — рассердился тесть, раскрыв книгу на страничке, отмеченной закладкой, — здесь же написано, что для снадобья пригоден только рог от живого носорога, и я уверен, что в этом есть ка-кой-то свой смысл.

— Поймите меня правильно, — сделав пометку в своих записях, сказал Рауф. — Для меня в этом деле никакой личной выгоды нет. Просто хочется знать мнение ученого человека. Вы сами верите во все это?

Прежде, чем ответить, старик ненадолго задумался, и Рауфу показалось, что в глазах его блеснули лукавые искорки, но когда тесть заговорил, голос его звучал серьезно и даже торжественно.

— Как ни странно — верю!

— Если бы люди друг друга не мучили, то никаких эликсиров не понадобилось бы. Человек теряет здоровье и раньше времени стареет только из-за переживаний, — входя в комнату, произнесла теща. Сказала она это вроде бы просто так, ни к кому в отдельности не обращаясь, но Рауф, зная о ее навязчивой идее, согласно которой отношение Рауфа к жене каким-то способом отрицательно отражается на здоровье тестя, сразу во всем разобрался. И поэтому на слова Диляфруз ханум Рауф подчеркнута не обратил внимания и вообще

искусно притворялся, что не замечает ее присутствия, а чтобы у тещи не оставалось на этот счет сомнения, уходя, и не посмотрел в ее сторону и попрощался только с тестем.

Оранжевый свет фонарей выхватывал из переполненной шумами ночной тьмы лишь мокрый асфальт безлюдной улицы. Взяв из багажника чемодан и небольшой сверток с нарезанной колбасой, он начал по крутой скользкой тропе восхождение на холм к последнему этапу заманчивой цели.

До полуразрушенного забора на вершине он добрался, насквозь промокнув от пота и дождя. Днем отсюда открывался прекрасный вид на набережную и море, да и сейчас панорама ночного уснувшего города напоминала гигантский гаснущий костер, чьи бесчисленные тлеющие огоньки отражались тревожным багровым заревом в черной воде бухты и низком небе с мятущимися серыми облаками. Она бесспорно произвела бы впечатление на любого из тех, кто норовит при каждом удобном случае бесплатно убогатить свою нервную систему таким примитивным способом, как лицезрение городских и сельских пейзажей, а также явлений, регулярно происходящих на суше, в мировом океане и в атмосфере.

На всякий случай оглядевшись по сторонам, Рауф протиснулся через заборную щель и, обтерев налипшую на ботинки грязь о кусты, уверенно зашагал вперед по мокрому асфальту. Мимо изолятора, где не так давно выдерживали карантин вновь прибывшие животные, мимо трансформаторной будки — к темнеющим, на расстоянии нескольких десятков метров, рядам клеток и вольер. Многие из них пустовали, так как обитатели их нежданно-негаданно для себя получили новое, не сравнимое с прежним, благоустроенное звериное жилье.

Переселение началось дней десять назад и ввергло будущих новоселов, не знавших по ряду уважительных причин о вступлении в строй нового зоопарка, в соответствии со сроками реализации генерального плана застройки и реконструкции города, — в панику.

Первое легальное появление Рауфа в зоопарке совпало с началом эвакуации, и с тех пор он в свой каждодневный визит не переставал удивляться действиям работников зоопарка, которые, вплотную приставив к очередной клетке решетчатый фургон с разложенными на полу соблазнительными яствами, уговаривали животное не упрямитесь так ласково, словно обращались не к очередному обладателю оскаленных клыков и вздыбленной шерсти, а к единственному сыну престарелого прокурора, малолетнему балбесу, пожелавшему в гостях у отцовского приятеля, завмага, сделать пипи в аквариум с коллекцией редкостных тропических рыбок.

Возмущение Рауфа достигло предела позавчера, когда он набрел на клетку, из которой двое служителей выдворяли упорно сопротивляющееся кривобокое страшилище грязно-бурого цвета, напоминающее огромную собаку с зубастой пастью голодного крокодила.

Исходящее от него зловоние отпугнуло бы даже бригадира собачьего ящика, не выполнившего квартальный план, но работники зоопарка как ни в чем не бывало протягивали сквозь прутья пики с кусочками мяса, пытаясь заманить его в фургончик. Наглое животное время от времени стремительно кидалось на мясо и, слизнув его пегим языком, возвращалось в свой угол. Не помогло и появление директора — молодой женщины, кото-рую все называли Алией ханум. Рауф уже заметил, что, несмотря на ее внешность — привлекательное лицо и приятные мужскому взору формы стройного тела, больше подходящие манекенщице или актрисе, чем руководителю государственного учреждения, каким, хоть и с некоторыми оговорками, может считаться зоопарк такого крупного города, — служащие подчинялись ей, не вступая в пререкания и даже с охотой.

На Рауфа никто не обратил внимания — в зоопарке, хоть и закрытом для посетителей, можно было встретить много посто-ронних, так или иначе связанных с переселением, — транспортни-ков, проектировщиков и ветеринаров.

— Хотите, я зайду с другой стороны, — предложил Рауф после того, как все убедились, что на гнусного зверя не подейст-вовал даже ласковый голос прекрасной директрисы, — и дам ему раза два по хребту этой палкой. Посмотрите, он сразу выско-чит, — и, правильно истолковав изменившиеся выражения лиц, он поспешил добавить: — Слегка... Символически, как говорится.

— Кого это «его»? — тон у директрисы сразу изменился. — К вашему сведению, это «она» — гиена, причем самка. Она и так доведена до психического шока, а вы предлагаете палку, — Алия ханум пренебрежительно пожала плечами и повернулась к гиене, которая, несмотря на угрозу близящегося шока, как раз в этот момент ловко сорвала с пики еще кусок мяса. Сейчас было темно, крохотная лампочка тускло освещала не-большую часть клетки, но отсутствие зловония подсказало Рауфу, что гиену все же удалось уговорить на обмен.

«Был бы я прежним Рауфом, лет на двадцать моложе, ты бы со мной по-другому разговаривала, — вспомнив беседу с дирек-трисой, подумал он. — Не вспомнила бы, какого пола эта гиена. Ничего, может быть, мы еще к этому вопросу вернемся». Мысли его перебила собака, выбежавшая навстречу из-под навеса перед слоновником. Сразу же узнав Рауфа, который за последнюю не-делю приобрел, благодаря неслыханной щедрости, признание всех без исключения сторожевых псов зоопарка, приветливо замаха-ла хвостом. Вознаградив ее за хорошее поведение куском колба-сы, Рауф подошел к слоновнику. Огромный зверь, прикованный за ногу массивной цепью к кольцу, вделанному в бетонный пол, почти целиком заполнил тесное пространство. Слон не спал, маленькими хитрыми глазками он внимательно разглядывал ночного посетителя, и Рауфу это не очень понравилось из-за внезап-но возникшего предположения, что он может застать бодрствующим и слоновьего земляка — носорога.

Дождь прекратился, но ветер, к полному удовлетворению Рауфа, продолжал свою полезную деятельность, извлекая раз-нообразные шумы из железных крыш клеток и листвы. Когда он проходил мимо загона с бассейном, бегемотов не было видно, но Рауф знал, что они еще здесь — всех крупных млекопитающих должны перевезти на следующей неделе.

Когда Рауф и увязавшаяся за ним собака подошли к клетке, носорог спал. Стоял, похожий в темноте на каменное изваяние, и негромко похрапывал. Рауф, стараясь не шуметь, раскрыл че-модан и быстро собрал разобранное на две части ружье. Патро-ны с усыпляющими ампулами он вынул из кармана куртки и зарядил ими оба ствола. Действовал он совершенно спокойно, но, видно, все-таки немного волновался, потому что забыл положить в чемодан остатки колбасы, которые могли понадобиться в слу-чае появления еще одной собаки, и теперь их доедала его спут-ница. Он уже прицелился в носорога, до которого от силы было метра три, и, дождавшись очередного порыва ветра, хотел было спустить курок, но в последнее мгновение вспомнив услышанное

от тестя описание ярости раненого носорога, ощупал толстенные железные прутья клетки и двери, открывающейся вовнутрь, успокоился и, снова прицелившись, дважды выстрелил. Выстрелы прозвучали не громче взрывов хлопушки-конфетти, собака вздрогнула и вопросительно посмотрела на Рауфа, а носорог тя-желю подпрыгнул на месте и пронзительно захрюкал, закружил по клетке. Морду, увенчанную вожделенным рогом, он пригнул к земле. Шли томительные минуты, а носорог все продолжал свой бег, быстро уничтожая все внутреннее оборудование его жилья.

Рауф вздрогнул от неожиданности — просунув голову сквозь прутья, собака остервенело, временами срываясь на визг, лаяла на зверя.

Успокаивать ее пришлось долго. Рауф то ласково чмокал, то призывно посвистывал; наконец, преодолев брезгливость, заста-вил себя ее погладить. Сквозь мокрую шерсть он ощутил мелкую дрожь собачьего тела, и эта дрожь сразу же передалась ему. Лай прекратился внезапно, умолк на самой высокой ноте. Застыв на месте, собака не сводила глаз с медленно оседающей туши. Носорог мягко опустил на подогнувшиеся ноги, некоторое время посидел так, словно в недоумении, покачивая головой, а затем, потеряв равновесие, завалился набок, брюхом в сторону Рауфа.

А тот, не теряя времени, положил ружье на землю, взял из чемодана пилу и бросился в обход примыкающего задней стеной к клетке носорога павильона «Мир пернатых», население кото-рого вот уже три дня как наслаждалось роскошными апартамен-тами на другом конце города. Небольшая дверь служебного входа, как и следовало ожидать, оказалась запертой, но это Рауфа ничуть не испугало. Просунув руку под проволочную сет-ку, он дотянулся до засова и отодвинул его. Дверь за собой он не успел захлопнуть, и собака проворно проскочила вслед за ним. Он уверенно пересек павильон и остановился перед одним из окон задней стены. Расположенное довольно-таки высоко, от пола до подоконника было метра полтора, оно выходило во владения носорога.

Рауф придвинул к окну скамью, встав на нее, отворил запертые на крючок решетчатые створки. Носорога заслоняли кусты, через окно видно было только морду, но и по ней можно было определить, что лежит он все так же неподвижно.

Если не считать самого носорога и каменной кормушки с остатками растительной пищи, загон был пуст, и поэтому Рауф, прежде чем спуститься туда, решил обеспечить себе обратный путь, так как забраться на подоконник без дополнительной подставки ему было бы трудно. Искать долго не пришлось, в не-скольких метрах от окна, у стены, стоял большой деревянный ящик, вполне пригодный для этой цели. Но когда Рауф подошел ближе, выяснилось, что в нем что-то есть, и это что-то оказалось устроившейся на ночлег птицей. При свете единственной на весь павильон лампы Рауфу не удалось сразу определить вид закопавшегося в ящике пернатого, и поэтому он при первом же звуке отскочил на безопасное расстояние в два-три шага и там, в не-приятном ожидании, остановился, напряженно выставив перед собой пилу. Тем временем из ящика с недовольным квохтаньем выбралась какая-то птица. Если бы не величина, а была она не меньше индюка с длинным клювом, то крохотными крылышками, прилипшими к телу, покрытому пухом, да и самим несуразным туловищем и кургузым задом — внешне птица ничем не отличалась от обычного цыпленка. Впрочем, характер у нее оказался не цыплячий, это выяснилось сразу же, благодаря любопытству собаки. Птица спокойно дождалась шумного набега и сразу же, не целясь, клюнула пса в нос, после чего, видимо, желая продолжить отдых, направилась к своему деревянному гнезду. Но Рауф ее опередил: он унес ящик и, сбросив его вместе с пилой через окно, перевалил вслед за ним через подоконник и сам. С опаской обойдя морду, вблизи оказавшуюся величиной с небольшую лодку, он со спины подошел к носорогу. Даже сквозь шум ветра отчетливо слышался могучий равномерный храп. Прежде чем перейти к главной и основной цели посещения, Рауф приставил ящик к стене под окном и, встав на него, убедился, что в случае преждевременного пробуждения носорога успеет унести свое брненное тело из его окованного железом жилья. Теперь можно было приступать к делу, но Рауф никак не мог настроиться, хотя с тоской следил по часам, как безвозвратно убегают драгоценные минуты. Наконец он заставил себя потрогать рог, вначале до-тронулся кончиками пальцев, а затем даже погладил влажной ладонью отполированную поверхность рога, но это оказалось пределом, через который отказалось переступить его мужество, подавленное первобытной свирепой мощью спящего зверя. Тогда Рауф призвал на помощь разум: заставил себя вспомнить о прекрасной цели, ради которой он находится здесь, освежил в памяти подробности совместной охоты с тестем, когда усыпленные олени и кабаны подолгу не приходили в сознание, и решительным мысленным окриком призвал себя к восстановлению в полном объеме своего мужского достоинства и самообладания. Самовнушение уже начало давать положительный результат, позволивший Рауфу приложить пилу к рогу, но тут по его напряженным нервам был нанесен неожиданный удар, от которого он с воплем вскочил на ноги — о тушу носорога смачно шлепнулся свалившийся откуда-то сверху темный ком и в следующее мгновение, шумно дыша, скатился по крутому склону спины в сторону Рауфа. О том, что собака сумела преодолеть высокий подоконник, а также о том, что этот жуткий мохнатый ком — именно собака, он догадался чуть позже; в первые же мгновения, пока третий обитатель клетки со всех сторон обнюхивал носорога, Рауф оцепенело стоял, устремив перед собой невидящий взгляд.

Как ни странно, появление собаки подействовало на него, в целом, ободряюще. Расценив тот факт, что носорог не проснулся и даже не перестал храпеть после падения на него собаки, как положительный, он с удовольствием понаблюдал за ее под-черкнуто пренебрежительным поведением по отношению к носо-рогу, а затем решительно взялся за пилу. То ли из-за отсутствия практики, то ли из-за высокой прочности рога поначалу дело двигалось с трудом — пила соскальзывала, оставляя на гладкой поверхности лишь легкие царапины, но когда, наконец, Рауфу удалось наметить борозду, дело сразу пошло на лад. Собаке на-доело бегать, и она уселась напротив Рауфа. Кроме как на нее, смотреть в клетке было не на что — вид носорожьей морды был Рауфу в высшей степени неприятен, и, водя без устали пилой по рогу, он старательно отводил от нее взгляд — и Рауфу впервые за неделю знакомства удалось как следует разглядеть собаку. Это был рослый темно-серый пес, очевидно, помесь кавказской овчарки, от которой он унаследовал большую лобастую голову и крепкую грудь, с дворнягой, передавшей ему лучшие качества дворняг — доверие без деления на хозяев и чужих ко всем лю-дям и добродушие, позволяющее прощать человеку такие его не-достатки, как беспричинную жестокость и жадность. Рауф не был любителем животных даже в детстве, но эта собака, глядевшая на него с безграничной любовью и восхищением, заметными даже в темноте загона, показалась ему вполне приятным существом, и он пожалел, что захватил с собой мало колбасы. Онемевшая от усталости рука выпустила пилу, когда рог, навсегда отделившись от своего бывшего владельца, свалился на землю. Носорог, или то существо, в какое он превратился с этой минуты, продолжал спать, и Рауф, испытывая невыразимое облегчение оттого, что уходит, бросил на него прощальный взгляд и направился к окну. Он прошел сквозь «птичий мир» и, прежде чем запереть за собой дверь, внимательно огляделся. По-прежнему шумели деревья над рядами клеток, по-прежнему где-то вдали в сторожках крепко спали утомленные переселением сторожа. Присев на корточки, Рауф разобрал оставленное у загона ружье и, аккуратно уложив его вместе с рогом и пилой в чемодан, захлопнул крышку. Вста-вая, он заметил собаку. Она сразу почувствовала его взгляд и, возбужденно заскакав на месте, с радостным визгом замахала хвостом. Рядом с мрачной неподвижной тушей, до пробуждения которой оставались считанные минуты, это сильно смахивало на незатейливый танец бабочки-однодневки над протекающим бал-лоном с дихлофосом.

Рауф подумал, что собаке ни за что теперь не выбраться из клетки: уровень пола в ней был ниже, чем в птичьем павильоне, а на полпути к окну лежал носорог, что начисто лишало пса воз-можности разбега.

Он поднял довольно-таки тяжелый чемодан и пошел прочь. Сделав несколько шагов, оглянулся. Собака взвизгнула в ответ от восторга, распласталась всем телом на полу в знак горячей любви и признательности за внимание. Все это подействовало на Рауфа неожиданно, и вместо того, чтобы идти прямо, он свернул направо. Прежде чем вернуться в «птичий мир», он выругался дважды, в первый раз обругал собаку, которую никто не просил совать повсюду свой собачий нос, а второй раз последними сло-вами обругал себя за свое глупое поведение, могущее испортить весь план со всеми вытекающими из этого неприятными последствиями.

Чемодан он оставил у входа в птичий павильон, затем, торо-пливо проникнув в загон, схватил в охапку собаку и, встав на ящик, перебросил ее через окно.

Птица — к этому времени он даже забыл о ее существовании — встретила его у входа в павильон. Удобно усевшись на чемодан, она настойчиво долбила клювом в одну и ту же точку, то ли желая продырявить чемодан, то ли утоляя потребности организма в каких-то веществах, входящих в состав чемодана, а возможно, и просто с голоду. На приход Рауфа с собакой она не обратила внимания, но когда он попытался пнуть ее ногой, в последний момент ловко увернулась и весьма ощутимо клюнула его в ногу, метко попав острым клювом в узкий просвет между носком и манжетой брюк. Затем, глядя прямо перед собой, прошла мимо торопливо посторонившейся собаки и скрылась за кустами.

Ветер стих. Начало светать, прояснилось небо. Вспотевший Рауф протащил чемодан сквозь пролом в заборе и, отогнав собаку, которую после второго инцидента он окончательно презирал, остановился перевести дух перед трудным спуском. Собака смотрела на него из-за забора с любовью, но приблизиться не решалась.

Видимо, из-за усталости, из-за бессонной ночи тропинка показалась Рауфу в два раза длиннее. На скользких поворотах, чтобы удержать равновесие, приходилось хвататься за кусты олеандра, и к концу пути он был совершенно измотан, но все это в одно мгновение вытиснилось теплым приливом радости, когда, миновав последний куст олеандра, он увидел свою машину.

Движение было редким. Лишь время от времени мимо на большой скорости проносились машины.

Нельзя сказать, что настроение Рауфа испортилось, просто радость его от благополучного завершения рейда в зоопарк не-сколько потускнела, когда, открывая багажник, он снова увидел птицу. В стремительном прыжке она попыталась вслед за чемоданом проскочить в багажник. Вместо того, чтобы захлопнуть крышку багажника над наглым пернатым, Рауф проявил постыдную растерянность — суматошно размахивая руками и ругаясь, вытолкнул ее наружу. Птица с сердитым кудахтаньем поднялась на ноги и, угрожающе выставив перед собой клюв, снова направилась к багажнику. Рауф на минутку отвлекся, когда мимо проехал мотоцикл ГАИ, для того чтобы поздороваться с инспектором. Справедливо полагая, что вреда от этого не произойдет, он непременно здоровался со всеми работниками ГАИ. Большинство отвечало на его приветствие, а некоторые, из тех, что помоложе и понаивнее, со временем начинали при встрече здороваться первыми.

А птица снова подобралась к машине с противоположной стороны и, судя по звуку, принялась клевать переднюю шину. Рауф оставил это без внимания, тихо закрыл дверь и, надавив на акселератор пораненной птицей ногой, рванул с места.

Его надежда на справедливое возмездие не оправдалась: обернувшись через несколько метров, он, вместо окровавленного комка перьев, увидел активно zdravствующего врага,

который, по-качиваясь массивным телом цыпленка-мутанта, внимательно разглядывал номерной знак его машины.

«Сумасшедшая, конечно, сумасшедшая, поэтому и не взяли ее в новый зоопарк», — напоследок, перед тем как забыть о ней, подумал Рауф, решив при случае расспросить тестя, попадают ли среди птиц душевнобольные.

Главное дело сделано, и впереди его ждало только приятное.

В соответствии с настроением Рауфа первые лучи солнца празднично отразились в свежeweымытом асфальте, в прохладной листве, когда он, стараясь не разбудить соседей, открывал двери гаража.

При ярком электрическом освещении рог выглядел чрезвычайно внушительно, и, если бы Рауф не добыл его собственно-ручно, никогда бы не догадался, что рассматриваемый им тяже-лый отполированный предмет, напоминающий буксирный крюк пассажирского теплохода, на самом деле является частью тела живого существа.

В следующую ночь, уединившись в гараже, Рауф приступил к изготовлению чудесного снадобья. Он растирал, взвешивал, пе-реливал и нагревал в полном соответствии с лежащей перед ним копией древнего рецепта. Когда наступило утро, Рауф держал в руках большой семилитровый стеклянный баллон, доверху напол-ненный янтарным напитком.

Через несколько дней Рауф открыл крышку, и все простран-ство гаража заполнил удивительно приятный, волнующий запах, от которого ощутимо закружилась голова, и он, чтобы ненароком не выронить, покрепче обхватил банку руками. Под действием неведомого аромата в голове Рауфа разом возник рой невнятных, но явно положительных приятных мыслей вперемешку с обрыв-ками каких-то возбуждающих воспоминаний.

Ему, привыкшему всегда удовлетворять свои разнообразные потребности, весьма экономно тратя каждый раз не больше двух-трех мыслей, этот роскошный всплеск интеллекта показался ин-тересным, даже забавным, и он был не прочь продлить это впервые испытываемое состояние, но ему пришло в голову, что проникший в банку воздух может повредить нормальному созре-ванию напитка, и тогда, уже не раздумывая, он тщательно закрыл баллон притертой стеклянной пробкой и засунул свое сокровище в глубь тесно заставленной бутылками и банками в дальнем углу ямы, дав себе слово не притрагиваться к ней до истечения сро-ка — «семь раз по семь дней».

Он уже запирает дверь, когда увидел соседку, очень вредную, на редкость энергичную старуху, которая два года назад, когда во дворе началось строительство гаражей, писала,

жалуясь на их будущих владельцев, в том числе и на Рауфа, десятки писем с требованием запретить стройку, упорно именуя ее незаконной, несмотря на то, что ей много раз с предъявлением справок объясняли, что возведение гаражей производится согласно официальному разрешению районного архитектурного управления.

С Рауфом она с тех пор не разговаривала и подчеркнуто сухо отвечала на его поклоны. Поэтому он сразу же насторожился, когда она пожелала ему доброго утра и, встав со скамейки, пошла навстречу. По морщинистому лицу со слезящимися глазами, делающими ее похожей на больную кошку, блуждала какая-то странная, неуверенная улыбка.

— Вот ведь как бывает, — назидательно сказал ей Рауф. — Последняя комиссия тоже признала, что гараж построен законно. Мне только интересно, кому вы теперь пожалуетесь?

— Вы чувствуете? — спросила она. — Какой замечательный запах! Что-то невероятное. У меня даже голова закружилась.

— Приятно пахнет, — добросовестно потянув носом воздух, сказал Рауф, в душе проклиная острый нюх настырной старухи.

— Теперь уже не пахнет, — с грустью сказала старуха, — а минут десять назад этим ароматом был пропитан весь воздух. У меня до сих пор дрожат пальцы, посмотрите... Неужели вы ни-чего не почувствовали? А мне показалось, что запах доносится из вашего гаража.

— Там пахнет только бензином и маслом, — возразил Рауф. Он послюнил палец и поднял над собой. — Все ясно, ветер дует со стороны карамельной фабрики. Был, наверно, сильный порыв, он и принес с собой этот запах. Вы никогда там не бывали? На этой фабрике столько разных эссенций.

— Это было что-то невероятное, — слабым голосом повторила старуха и, уже не обращая внимания на Рауфа, побрела прочь.

К звонку, последовавшему на следующий день, Рауф отнесся спокойно. Разговаривая с невидимым собеседником, назвавшимся следователем районной прокуратуры Аскеровым, он спросил, не ошибся ли тот номером, а вслед за тем внес в свой голос оттенок удивления, как сделал бы это, по его мнению, любой приличный человек, никогда не имевший дело со следственными органами. Договорившись о времени встречи, Рауф положил трубку.

...Машину он оставил за углом, ему не хотелось, чтобы кто-нибудь из знакомых случайно увидел ее перед прокуратурой. Поздоровавшись с дежурным, Рауф сообщил ему свою фамилию, и тот, сверившись со списком, показал, где лифт.

Перед тем как постучать, Рауф поправил галстук и пригладил усы. Золотой перстень с пальца снял и опустил его в карман, благоразумно подумав, что на незнакомое должностное лицо он может произвести нехорошее впечатление.

В кабинете следователя сидели два подполковника, но Аскеров — он был в темно-сером костюме с ярко-желтым галстуком — ни минуты не заставив ждать, пригласил Рауфа сесть и сразу же приступил к разговору. Когда он, здороваясь, встал, выяснилось, что следователь маленького роста, причем его худое лицо с густыми непричесанными бровями и маленькими глазками показалось Рауфу знакомым.

Садясь, Рауф успел краем глаза заметить, что один из офицеров, грузный седой человек, почти неприметно качнул головой.

— Извините за беспокойство, — начал следователь, обращаясь к Рауфу, но тот, не дав ему продолжить, ответил, что никакого беспокойства и что ему будет приятно, если он сумеет принести хоть какую-то пользу, и вообще он считает своим долгом отметить, что его первое в жизни посещение следователя, при этом слово «первое» он несколько выделил, произвело самое отрадное впечатление, начиная от внимательного дежурного у входа и чистоты в помещении и кончая знакомством с исключительно приятными людьми в этом кабинете. Справедливо полагая, что в любом деле сторонники не помешают, произнося последние слова, он перевел взгляд на подполковников, и каждый из них вежливо ответил ему улыбкой.

— Тут такая история, — несколько смущенно продолжил Аскеров. — В ночь с 18-го на 19-е августа машину под номером 50—37 АГУ видели на Баилово. Эта ваша машина?

— Серия? «Жигули»? Моя. Вполне может быть, что она там стояла, — подтвердил Рауф. — Я бы вам точнее ответил, если бы вы назвали день недели.

— С 18-го на 19-е, с субботы на воскресенье, — сказал Аскеров.

— Совершенно верно, стояла, — почти не задумываясь, ответил Рауф, — а что?

— Скажу... А почему она там стояла ночью? Ведь вы живете в другом конце города?

Прежде чем ответить, Рауф помедлил. К тому времени он уже успел внимательно рассмотреть Аскерова и решил, что ему гораздо выгоднее отказаться от первоначального намерения.

— Видите ли, — смущенно улыбнулся он. — Я нардист. Мало того, мой близкий друг тоже обожает нарды. Стоит нам встретиться, обо всем на свете забываем. Остановиться невозможно. Каждый раз под утро кончаем игру. Не поверите, у нас с женой даже из-за этого неприятности были. Тысячу раз ей объяснял, что нормальная женщина радоваться должна, что ее муж не бабник и не картежник, а нардами увлекается, народной игрой, — не действует. Извините, — как бы спохватился Рауф, — так вот, в ту ночь я был у своего друга, он живет совсем рядом, только машину у его дома оставлять опасно. Знаете, это Халиловский переулок, никогда света не бывает. — По выражению лица, да и по тому, что следователь не стал узнавать у него точный адрес и фамилию приятеля, Рауф понял, что никаких сомнений у того не осталось.

— Вы один пользуетесь машиной? — чувствовалось, что этот вопрос Аскеров задает просто так, для порядка. — Я хочу сказать, не берут иногда машину ваши сыновья или племянники?

— Нет, — твердо сказал Рауф. — За руль своей машины са-жусь только я. И все мои друзья знают: Рауф последнюю рубашку отдаст, но машину у него лучше не просить. Для их же пользы!

— Перед тем, как уехать, вы ничего подозрительного не заметили? Может быть, вспомните?

— Да вы не представляете, какой в ту ночь шел дождь, — засмеялся Рауф. — По сторонам смотреть было некогда, я весь насквозь промок, пока до машины добрался. Но вы мне не объяснили, что же все-таки случилось?

— Да так, — рассеянно ответил Аскеров, кончив писать. — Той ночью в зоопарке кто-то набезобразничал, а мы с вами должны теперь на это тратить время. — Он вынул из ящика стола чистый бланк, посмотрел на часы, поставил время. — Вот вам пропуск на выход. Спасибо, и еще раз извините за беспокойство.

Рауф со всеми по очереди обменялся рукопожатием и вышел, неплотно притворив за собой обитую черной кожей дверь.

В коридоре никого не было, и он, держась за ручку, застыл в позе человека, собирающегося открыть дверь. Если бы в эту минуту из кабинета кто-нибудь вышел, то Рауф объяснил бы, что в связи с вынужденным прогулом вернулся получить у Аскерова соответствующую справку.

Голоса из-за двери доносились невнятно, и он почти ничего не разобрал, кроме дважды повторенного слова «мальчишки», произнесенного кем-то, но не Аскеровым.

Каждое утро, перед тем, как завести машину, Рауф спускался в яму и, откупорив баллон, несколько секунд жадно вдыхал жи-вительный запах. До созревания янтарной массы оставалось еще больше месяца, и эти каждодневные сеансы могли бы превратиться в привычку, скорее всего вредную, как и подавляющее большинство привычек, доставляющих человеку наслаждение, если бы не почтальон, который, вручив в пятницу утром вышедшей на звонок Халиде ханум газеты и одно-единственное письмо, расстроил сложившийся ритм постепенного привыкания. Держа перед собой кончиками пальцев повестку из прокуратуры, она прошла на кухню.

— Это тебе! Все сходится, и фамилия, и адрес. Что случилось?

— Схожу, узнаю! — с раздражением, которого он на самом деле не испытывал, ответил Рауф. — В прокуратуру могут вызвать каждого человека, ничего особенного в этом не вижу. — И, взяв газету, он дал понять, что разговор окончен.

— Этого следовало ожидать, — как бы раздумывая вслух, сказала жена. — Тебе давно надо было уйти с работы.

— Это когда же давно? — внешне миролюбиво подал голос из-за газеты Рауф.

— Еще до того, как ты туда поступил! — отрезала жена. — Все тебя тогда предупреждали — и папа, и Ариф, о себе я уже не говорю: твоя деятельность там до добра не доведет. — Произнося имя Арифа, она невольно подсказала мысль проконсультроваться с адвокатом, и Рауф подумал, что умный человек может извлечь пользу даже из такого бессмысленного занятия, как утренний разговор с женой.

— А я и не спорил, когда твой отец посоветовал уволиться из треста, слушал его с уважением и все ждал, что он мне предложит взамен. До сих пор жду. Давать советы у вас в семье все мастера, пока до дела не доходит, — сказал Рауф, с удовольствием наблюдая за выражением лица Халиды.

— Неправда, — вспыхнула жена. — Папа тебе сразу предложил найти работу по специальности.

— Ночным сторожем в Ботанический сад, — хмыкнул Рауф.

— Младшим научным сотрудником. Ты бы сейчас...

— Если академик направляет своего зятя с высшим образованием огребать листья в Ботаническом саду и делать деревьям прививки, то нормальные люди понимают: инвалид-зять работает ночным сторожем. А зять в помощи не нуждается. Он нуждается только в хорошем отношении. Вы этого не поняли. Слава богу, своими руками всего добился. Я, конечно, не академик и не космонавт, обычный служащий, но мне больше и не нужно. Свою семью обеспечиваю? Да или нет? То-то! А остальное тебя не касается. Как сказал один человек, всякий труд почетен.

— Наджафова из твоего треста за почетный труд на десять лет посадили? Во всех газетах писали о его фокусах с цистернами коньячного спирта.

— Жадность. Жадность его погубила, — объяснил Рауф. — С такими людьми я ничего общего не имел. Мое дело — распределять сырье. Проверь любую бумажку в моем отделе — все законно, за каждую тонну могу ответить. У меня все рассчитано, так что можешь не беспокоиться. Я никогда не погорю.

— Все так думают, а все-таки на чем-то попадают. Не на том, так на другом, — сказала жена. — Послушайся моего совета.

— Не надо, — рассеянно сказал Рауф, уже думая о другом. — Я ведь не Ариф, в своих делах уж как-нибудь сам разберусь.

— В том, что Ариф считается с женой, ничего плохого нет, — начала Халида и засмеялась, вспомнив происшествие многолетней давности, после которого в Ариффе, по его признанию, пробудилась почтительная вера в мудрость собственной супруги.

Это случилось на глазах у Халиды и Рауфа, когда они после свадебного путешествия возвращались из Болгарии. От Москвы они ехали в одном купе с Арифом и его женой Симой, миловидной маленькой женщиной с тихим ровным голосом, который за трое суток удалось услышать лишь несколько раз. В разговор она не вмешивалась, слушала молча, никогда не задавая вопро-сов. Своей сдержанностью, ненавязчивой услужливостью Сима

очень понравилась Рауфу, который даже счел полезным на вто-рой день пути поставить ее в пример Халиде. Но один раз она заговорила громко.

Сидящий напротив Рауф не успел даже удивиться, как она, резко вскочив с места, оказалась в коридоре, где Ариф, стоя у раскрытого окна, любовался пейзажем и, дотянувшись до плеча мужа, потребовала, чтобы тот не высовывался.

Ариф подвинулся и предложил ей встать рядом. Но когда она тем же тоном повторила свое требование, он перестал улыбаться и вежливо, но твердо попросил оставить его в покое.

— Слушай, убери голову, — и не подумав отойти, сказала она. — Я тебе советую!

Это был прекрасный совет, в этом спустя минуту убедились все, кроме Арифа, сразу же потерявшего сознание после того, как о его голову вдребезги разбилась половина небольшого ар-буза, выброшенного кем-то из окна соседнего вагона.

Его перенесли в купе и уложили на полку, где благодаря за-боте друзей и жены он постепенно пришел в себя.

Столкновение с арбузом для здоровья Арифа последствий не имело, если не считать, что в результате он полностью вышел из-под безраздельного влияния единственного друга своей юности Рауфа и, начиная с того дня, не сделал в жизни ни одно-го шага, не посоветовавшись предварительно с дальновидной Симой.

В дальнейшем выяснилось, что Сима и Рауф никакой ра-дости при встречах не испытывают, и приятели это почувствова-ли: получилось как-то само собой, что постепенно они перестали бывать друг у друга.

Последний раз они виделись года два назад, встретились случайно после долгого перерыва на улице, перед юридической консультацией, из которой выходил, направляясь к ожидавшей его машине, Ариф. Рауф чуть было не прошел мимо, не сразу узнав в степенном седовласом человеке своего бывшего прияте-ля, но через несколько шагов спохватился и, обернувшись, ок-ликнул его по имени, когда тот, уже сев рядом с водителем, со-бирался захлопнуть дверцу. Ариф неторопливо обернулся, и Рауф с удовольствием отметил, что на его крупном лице с высо-ким лбом сразу же возникло выражение неуверенности. Оно держалось совсем недолго — из машины Ариф вышел с привет-ливой улыбкой, но Рауф, пожимая ему руку, знал, что за неза-висимым тоном и уверенным взглядом Арифа, за блестящими стеклами, в самой глубине темно-карих глаз прячется многолет-няя привычная робость, которая, несмотря на все усилия пре-успевающего человека, отлично понимающего бессмысленность теперешнего ее появления, останется в нем надолго.

Встрече он обрадовался, и Рауфу это понравилось. Беседуя, Рауф чувствовал, что дела его бывшего приятеля идут хорошо и, чтобы дать тому возможность продемонстрировать это, спросил, кем он сейчас работает. Кивнув на одноэтажное здание юридической консультации с внушительной черной вывеской, расписанной золотыми буквами, где на протяжении тридцати лет проходила его адвокатская деятельность, Ариф сообщил, что на днях его назначили заведующим. Держался Ариф очень скромно, но на всякий случай, чтобы тот все-таки не забывал, с кем он разговаривает, Рауф снисходительно усмехнулся и изобразил на лице сочувствие, когда бывший друг назвал сумму своего месячного заработка, состоящую из довольно-таки высокой зарплаты и адвокатского гонорара.

После той встречи прошло два года, и за это время об Арифе он вспомнил в первый раз сегодня, благодаря Халиде, и сразу же решил, что именно Ариф самый подходящий юрист для неофициальной консультации перед встречей с Аскеровым.

В большой приемной, светлой комнате с лепным потолком и высокими венецианскими окнами, сплошь увитыми плющом, за столом сидела юная секретарша и читала газету, которую она сразу же отложила, когда вошел Рауф.

Разговаривала она приветливо улыбаясь, но Рауфа в кабинет на деловое и одновременно дружеское свидание согласилась пропустить не раньше, чем минут через десять-пятнадцать.

— У него много народу? — спросил Рауф.

— Никого, но в это время он бывает занят. Я его даже по телефону ни с кем не соединяю. Он скоро освободится. Садитесь, пожалуйста. Куда же вы?

Если бы Рауф застал Арифа в кабинете нагишом, то, наверное, удивился бы меньше. Сидя за массивным старинным столом, заведующий консультацией ел.

Приход Рауфа его как будто не смутил: оставаясь на месте и продолжая жевать, он кивнул всего один раз, но так искусно, что сумел остановить взволнованную секретаршу и одновременно сдержанно поприветствовать некто явившегося посетителя.

Истолковав это движение как приглашение к столу, Рауф уселся поудобнее напротив Арифа и только тогда заметил некоторые изменения, происшедшие за то время, что они не виделись. Ариф сильно похудел, под тусклыми глазами появились темные мешки, а бледная кожа обвисла на скулах наподобие плавников. Унылая трапеза состояла из аккуратно разложенных на трех тарелочках тончайших ломтиков черного хлеба,

голландского сыра и салата из овощей во впервые увиденном Рауфом сочетании мелко нарезанной моркови, помидоров и отварной свеклы.

— А я-то думал, что он запирается в служебном кабинете! Всякие приятные мысли в голову полезли, — сказал Рауф.

К шутке Ариф отнесся положительно. Продолжая тщательно разжевывать бутерброд, он улыбнулся, показав ряд белоснежных зубов, что навело Рауфа, еще не забывшего, как тот улыбался раньше, на мысль об их сравнительно недавнем происхождении.

— Думаю, заперся человек в служебном кабинете, ест лососину, в крайнем случае осетрину на вертеле, запивает хорошим коньяком, а рядом на тахте курочка-секретарша. Кстати, вкус у тебя отличный, как ее зовут?

Ответа не последовало. Мгновенно проглотив еду, Ариф испуганно посмотрел на дверь:

— С ума сошел? Она нам в дочери годится!

— Так уж и в дочери, — не вступая в спор, сказал Рауф. — Даже лучше... А с чего это тебя на морковку потянуло?

— Диета, — неохотно объяснил Ариф. — Каждые полтора-два часа я обязательно должен что-то проглотить, кусочек, но должен. — Он кивнул на еду: — Что-нибудь вроде этого. Одним словом, диабет у меня.

— Никакого диабета у тебя нет, — энергично запротестовал Рауф, которому всегда становилось неприятно при известии о любой серьезной болезни людей своего возраста. — Ты меня послушай. Первым делом начни как следует питаться и перестань принимать лекарства, и все будет в порядке. А врачей не слушай. Знаешь, что они с отцом Назима Гиясбейли сделали? Он такой же был доверчивый, как и ты, что давали — не глядя совал в рот, и еще уколы делал, пока однажды у себя в парадном не свалился без сознания. Выяснилось, что его чуть на тот свет не отправили усиленным лечением диабета, которого у него никогда не было.

— Погоди, погоди, — сказал Ариф. — Но мне кажется, отец Назима умер.

— Не от диабета же. Спокойно скончался спустя три года после того случая от сердечного приступа, — не растерялся Рауф. — Я тебе серьезно говорю, брось заниматься чепухой, диета ни одного человека еще до добра не довела.

— Анализы, — сказал Ариф. Он положил на тарелку вилку и нож и отодвинул ее от себя. — Со мной все ясно. Поговорим о тебе.

— За этим я и пришел, — усмехнулся Рауф. — Мне нужно посоветоваться по поводу небольшого дельца. У вас здесь как полагается — гонорар заранее вносить или в конце?

— На работе осложнения?

— Стоп, — перебил его Рауф. — Знаю, сейчас начнется — «я тебе еще тогда говорил». Успокойся, на работе все нормально. И нормально будет всегда.

— Я бы за будущее не стал ручаться, — серьезно сказал Ариф. — Время сейчас очень сложное...

— Подожди, подожди, — поморщился Рауф. — Так мы ни до чего не договоримся, а времени у меня мало. Через полтора часа я должен быть у Аскерова.

Рассказ Рауфа Ариф выслушал внимательно, ни разу не перебивая, и еще некоторое время сидел молча.

— А для чего тебе понадобился рог? — спросил Ариф. От квалифицированного юриста Рауф надеялся услышать вопрос поумнее.

— Скажем, для коллекции. Ты можешь себе представить, что я собираю рога?

— Какие?

— Всяких животных, домашних, хищных... Какое это имеет значение?

— По-моему, у хищников рогов не бывает, — подумав, сказал Ариф. — Когда идешь к следователю, все имеет значение. Тебя кто допрашивал? Аскеров? Худой, маленький?

— Да. Аскеров, — сухо ответил Рауф, которому очень не по-нравилось слово «допрашивал». — Пойми, ничего серьезного нет, ты же меня знаешь. Я во всех своих делах заранее устраиваю все так, чтобы избежать случайностей. Просто мне хотелось кое-что с тобой уточнить.

— Он очень въедливый, — Ариф задумчиво поглаживал поседевшие усы. — Это я к тому, что зря ты ему соврал. Врать нельзя в том смысле, что это невыгодно. Видишь, он тебя во второй раз вызвал. Значит, у него какие-то факты появились. Теперь он от тебя не отстанет.

— Да ладно меня пугать, — рассердился Рауф. — Ну со-врал! Я и это предвидел, может быть, даже хорошо, в случае чего скажу, что соврал по неопытности.

— Не стал бы он тебя вызывать...

— А теперь расскажу ему все, как было, и дело с концом! Я с тобой об этом и хочу посоветоваться. Значит, так: взлома не было — раз! Носорог совсем старый, песок из него сыплется — два! Знаешь, сколько лет носороги живут? Пятнадцать! А это-му уже шестнадцать исполнилось. Даже если бы я его убил, особого вреда не было бы. И потом для нового зоопарка сразу двух молодых носорогов выписали. Ружье у меня законное, на мое имя — три! Судимостей не имею, приводов тоже — четыре! Я же все обдумал, все предусмотрел! Ну что мне могут сделать? Вот посмотришь, в самом крайнем случае оштрафуют!

— Могут и осудить условно на год-два, — сказал Ариф. — Не так все просто, дорогой мой.

— Согласен, — кивнул Рауф, чтобы не спорить. — Я все равно в выигрыше. Ты посоветуй, что можно сделать, чтобы у меня хлопот было поменьше.

— Вообще-то я впервые с таким делом сталкиваюсь, — признался Ариф. — Посмотрим, что ты натворил... Без билета ночью проник на территорию зоопарка и без разрешения при-своил часть тела животного, то есть имущества, находящегося на балансе государственного учреждения.

— А где можно купить ночью билет в зоопарк? — возмутил-ся Рауф. — Насчет билета ты брось!

— Прежде всего в данном случае захотят выяснить, с какой целью подследственный совершил действие...

— Сам ты подследственный. Я тебе сказал, с какой целью.

— Коллекционирование? Ничего хорошего. Это почти такая же цель, как обогащение. От ответственности не освобождает. Вот если бы ты сумел доказать, что это была вынужденная самооборона, вызванная нападением опасного зверя...

— Ладно, — поглядев на часы, сказал Рауф. До встречи со следователем времени было много, и он решил поехать в парик-махерскую. — Я позвоню. Привет от меня Симе. Только я тебя прошу, с ней по поводу этого дела не советуйся.

— Как хочешь, — пожал плечами Ариф. — Но она сумела бы что-нибудь придумать. Ты знаешь, я иногда поражаюсь...

Не дослушав, Рауф встал и, обойдя стол, взъерошил ему волосы. Он уже понял, что толку от этой встречи никакого нет, но о своем приходе не пожалел, потому что после долгого перерыва ему было приятно в кабинете Арифа почувствовать, что, как бы вокруг него не менялся мир, в их отношениях ничего не изменилось — он, как и прежде, несмотря на все успехи Арифа, был первым.

— До свидания. На днях позвоню!

— Подожди, — с недовольным видом приглаживая волосы, сказал Ариф. — Мне вот что сейчас пришло в голову: а может быть, Аскеров вызывает тебя в этот раз вовсе не по зоопарку, а по другому делу. Я знаю, тебе это не нравится, но ты все-таки подумай, не связан ли сегодняшний вызов с твоей работой.

— Там все в порядке, — с трудом скрыв раздражение, повторил Рауф. — Я отвечаю за любой подписанный мною документ.

— Документы — это документы, а дела часто идут сами по себе, — веско произнес Ариф.
— Ты-то сам цену всем этим документам знаешь? Одно связано с другим, и всего предусмотреть невозможно. Это я к тому, что где-то, даже не в Баку, а в каком-нибудь другом городе сейчас всплыло дело, связанное с твоим управлением, а тебе о нем неизвестно.

— Можешь не беспокоиться, — уже в дверях сказал Рауф. — У нас все делается надежно, гарантия сто процентов.

— Многие так думали, — пробурчал под нос Ариф. — Не ты первый, не ты последний!

Рауфу эти слова не понравились, и он вернулся. Во-первых, ему показалось, что продиктованы они не только заботой о нем, скорее, своим последним замечанием Ариф попытался намекнуть на не совсем устойчивое положение Рауфа в обществе, во-вторых, Рауф очень дорожил своей репутацией солидного делового человека и не терпел, когда в этом сомневались.

— Ты так говоришь о моей работе, будто подозреваешь меня в каких-то противозаконных поступках, — сказал Рауф, заодно обращаясь и к жене со всеми ее родственниками. — Пусть я буду последним сукиным сыном, если хоть один раз за всю свою жизнь попросил у кого-нибудь взятку или причинил ущерб государству.

— То есть ты живешь на зарплату, — с готовностью закончил за него Ариф. — Пожалуйста, я рад за тебя.

— Зарплата здесь не при чем, — с презрительной усмешкой отклонил предложенный компромисс Рауф. — Я тебе все-таки скажу, каким способом зарабатываю деньги, и вот увидишь, ты согласишься, что обвинить меня в чем-то невозможно. В чем заключается моя работа? Главным образом, в распределении сырья, первичного производственного продукта. Я это сырье в глаза не вижу, руками до него ни разу не дотронулся, кто-то его перевозит, кто-то его получает. Мне только известно, что от получения в срок этого дефицитного сырья зависит выполнение плана предприятия. Ясно тебе?

— Чего уж неясного? Сырье дефицитное, а предприятий, наверное, несколько, и от тебя зависит, кому оно достанется полностью, а кому нет.

— А чего в этом плохого?.. Я тебя не боюсь, и скрывать мне нечего. Честно говорю, ни разу в жизни я ни у кого еще ни копейки не попросил и уж тем более не потребовал.

— Сами приносят?

— Сами, — подтвердил Рауф. — Приносят неделю спустя или месяц. Уговаривают взять. Если очень просят, беру, не заглядывая в конверт, кладу в карман.

— А бывает, — глубокомысленно приподняв брови, спросил Ариф, — что сырьё хватает всем?

— Сплошь и рядом, ещё остается в резерве до следующего квартала, — усмехнулся Рауф.
— Тогда все получают свой ли-мит полностью... А как иначе?! Я же не враг производству, и мне польза, тогда уже все являются благодарить.

— А они знают, что сырьё хватило на всех?

— Сообщать им об этом никто не обязан, — сухо сказал Рауф. — В мои служебные обязанности это не входят. Ну? Так что это, взятка или благодарность?

— Напрасно ты мне об этом рассказал, я не должен знать о таких делах. Все-таки я государственный человек и нахожусь сейчас на службе.

Жалкую уловку приятеля Рауф отгадал сразу.

— Ты пытаешься увильнуть, — объяснил он Арифу. — Скажи мне как юрист, есть ли риск в том, что я делаю?

— Все равно это преступление!

— Погоди, погоди, — отмахнулся Рауф, — мы же о другом говорили... Могу я попасться на этом или нет?

— Если узнают.

— От кого? — запальчиво перебил Рауф. — Ты мне теорию не разводи. Сообщить о том, что я тебе сейчас рассказал, могут два человека — я или тот, кто принес деньги. А мы оба больше всего заинтересованы, чтобы никто на свете об этом не узнал. Так или не так?

— Так-то так, — сказал Ариф, — но существуют неписанные законы, вследствие которых за любое преступление человек рано или поздно несет наказание. Помню, мы с Симой ...

— Тебе образование вредит, — с подчеркнутым сожалением объявил Рауф. — Если бы ты был прав, половина всего человечества сидела бы сейчас под замком. Ты хоть раз встретил

того, кто жил бы сугубо по законам? Если встретишь, позвони мне, я его фамилию запишу на память. Только зря не трудись — все люди шустряют, кто как может, ты уж мне поверь.

— Положим, не все, — с достоинством произнес Ариф.

— Например, ты? — ухмыльнулся Рауф,

— Хотя бы.

— Да ладно притворяться, посторонних-то здесь нет. Вспомни, как ты женился. По закону должен был ждать месяц после подачи заявления в загс? А через сколько дней вас зарегистрировали? Через день или два?

— Это не может считаться преступлением, — покраснев, сказал Ариф. — При необходимости это нарушение можно объяснить исключительными обстоятельствами. У нас совпадало время отпуска, кроме того...

— Правильно, — великодушно согласился Рауф. Глядя на несчастное лицо Арифа, он слегка пожалел о сказанном. — Извини, но когда речь заходит о нас самих, это называется исключением, а как обо мне — преступлением.

— Нас самих? — повторил Ариф. — Интересно. С кем это ты меня объединил?

— Вообще, — и Рауф нерешительно посмотрел на приятеля. — У меня к тебе просьба. Очень серьезная. Выполнишь?

Пожатием плеч и хмурым взглядом Ариф дал понять, что заранее ничего определенного обещать не может, но Рауфа это не смутило.

— Я тебя прошу, постарайся, чтобы никто не пронюхал о ваших отношениях. Понимаю, исключительные обстоятельства и все такое, но могут и осудить.

— Ты о чем? — с искренним недоумением спросил Ариф. Перед тем как нанести завершающий удар, Рауф сделал паузу, чтобы полнее насладиться замешательством своей жертвы.

— О вас двоих — о тебе и твоей курочке. Так вот. Молча-ние — наилучший ответ. Теперь я за тебя спокоен. Но ты моло-дец, даже я побоялся бы взять в секретарши такую красавицу. Все, все, ни слова больше! Ухожу. Жди моего звонка!

Несмотря на приподнятое настроение, вполне естественное для человека, успешно отстоявшего свое достоинство от вздорных подозрений, юридическую консультацию Рауф покинул с ощу-щением обиды. Он уже не раз задавался вопросом, что бы о нем подумали все эти, неизвестно за что осуждающие его люди вроде Арифа — тесть, их друзья и несколько его собственных завистливых приятелей, если бы он, уподобившись некоторым, бросил на произвол судьбы семью или, обнаружив неспособность к добыванию средств, сел бы на шею тестю. В глазах Рауфа от-ношение к нему выглядело особенно несправедливым еще и по-тому, что родители жены неизменно проявляли терпение и чрезмерную широту взглядов во всех остальных случаях.

Рауф не раз наблюдал, как они обхаживают своего бывшего родственника Гариба Меликзаде, которого из-за хронического пьянства и кочевого образа жизни бросила жена, являющаяся, кстати, родной сестрой тещи. Каждый его приход из геологиче-ской партии они встречали так непритворно приветливо, будто забыли, что с уходом жены оборвалось единственное звено, скреплявшее их родственную связь с Гарибом. Причем если первая часть этих регулярных встреч с посторонним, по сути, человеком проходила почти благопристойно, хоть и в странных для нормальных людей разговорах с вытаскиванием из карма-нов грязных камней, которые затем передавались для ощупыва-ния по кругу всем членам семьи, включая Кямиля и собственных детей Рауфа, все больше попадавших под влияние Кямиля, то вторая часть вызывала омерзение. По прошествии часа, от силы двух, Гариб, быстро пройдя через обязательную стадию музицирования, в виде удручающего слух распевания любимой песни, надирался до состояния беспамятства и оставался ночевать в ка-бинете, куда в остальное время даже близкие люди не входили без разрешения хозяина. Когда Рауф пожелал узнать о причинах столь беспринципного потакания порочным наклонностям, тесть, снисходительно улыбнувшись, стал объяснять, что Гариб — очень талантливый специалист, но его способностям мешают раскрыть-ся серьезные препятствия, от чего, будучи слабохарактерным, он мучается и, следовательно, нуждается в постоянной поддержке друзей, которым повезло в жизни чуть больше. Ехидный старик так ловко повернул дело, что в результате опустившийся несчаст-ный тип стал выглядеть чуть ли не приятным и нужным людям, особенно по сравнению с другими особами, активно жизнеспособ-ными и смышленными в практических делах, но при этом лишен-ными потребности в ценностях нематериального свойства, столь же необходимых для здоровья человеческой души, сколь вода и удобрения прихотливому растению, расцветающему лишь в не-пременных условиях заботливого ухода. Если тесть хотел его задеть, то это получилось, и в душе Рауфа, самочувствие которой его самого устраивало вполне, а частенько даже и радовало, ко многим иссохшим от долготерпения обидам тогда добавилась свежая, но жаждущая удовлетворения не менее сильно, чем любая из предшествующих.

Но в деловых кругах Рауф не зря считался сильным челове-ком — благодаря цепкому упорству и быстрой реакции он даже в борьбе с таким серьезным противником, как тесть, за вычетом болезненных, но безвредных ударов по самолюбию, до сих пор не понес

сколько-нибудь существенных потерь. Проигрывая вначале, он впоследствии не раз добивался хотя и мелких, но все же замеченных окружающими успехов. В последние же годы сил у тестя поубавилось, и жить стало значительно легче. Вдобавок Рауфу вспомнилось замечательное средство, доставшееся ему по иронии судьбы именно благодаря тестю, и прилив оптимизма выразился в приятной улыбке мужчины, изящно подрулившего к дверям лучшей парикмахерской города.

Агасафа не было. На его месте незнакомый мастер мыл посетителю голову. Со стопкой салфеток в руках подошел Автандил и, поздоровавшись, сообщил, что Агасаф заболел.

— Я решил, что перепутал смену, — сказал Рауф. — А что с ним? Простудился?

— Нет. Он приходил позавчера. Руки у него дрожат, то есть пальцы, а в остальном вроде здоров. А вы просто так заглянули? — тактично, не предлагая впрямую своих услуг, спросил Автандил.

— Да нет, не просто так, — Рауф посмотрел на Автандила с легким сомнением и в раздумье потер подбородок. — Хотелось привести себя в порядок перед важным свиданием. — Все же решившись, он с неловкостью летчика-испытателя, вынужденного пересестись за штурвал «кукурузника», опустился в кресло. — А с чего это у него пальцы стали дрожать? Сильно?

— Нормально. Как у всех стариков, — не спрашивая, Автандил сделал два горячих компресса, первый до того, как намылил лицо, и второй — поумереннее, расплавивший на лице взбитую пену, чем сразу расположил к себе Рауфа. — Агасаф ведь болеть совсем не привык. Столько лет, слава богу, держался не хуже молодых! Вот и объявил сразу, что не может работать.

— Это ничего, — сказал Рауф. — Я думал, что-нибудь серьезное. Через недельку заявится.

— Хорошо бы... Но вообще он такой человек, что своих решений не меняет. Мы его все уговаривали, даже заведующий, ничего не вышло. Выхожу, говорит, на пенсию, и все тут! Мол, он свои руки знает, если уж они начали дрожать, то до могилы не остановятся. Выхожу, говорит, на пенсию, и все тут.

— Как на пенсию? — изумился Рауф. — Агасаф?

— Да, — скорбно потупив глаза, вздохнул Автандил. — Это для всех для нас, то есть для всех парикмахеров, большой удар. — Заведующий два дня места себе найти не может. Он при мне из-за него звонил в собес, договаривался насчет персональной пенсии. Ему

полагается. Оказывается, у него орден «Знак Почета» и две почетные грамоты Верховного Совета. А я и не знал.

— Да нет, чепуха все это. Я с ним поговорю, — не слушая, проворчал Рауф. — Ты мне потом дай его домашний телефон.

— Обязательно, — сказал Автандил. — В эту субботу мы всем коллективом устраиваем для него прощальный вечер в ресторане «Гюлистан». Профком выделил деньги на памятный подарок. Профком профкомом, но каждый мастер от себя тоже внесет долю. Подарок вручим в конце вечера. Вообще «Гюлистан» — хорошее место, девочки там очень приятно танцуют, то есть варьете, и архитектура мне нравится, очень современная, вписывается в пейзаж. Вы, если захотите, тоже приходите, в субботу в девять часов.

— Спасибо. Вряд ли сумею... Я в ресторанах почти не бываю. Раз или два в год на официальный банкет или прием идти приходится. Но так, чтобы специально, да еще в субботу вечером, ни-когда. Если захочется вкусно поесть, еду за город.

— Наверно, из-за служебного положения? — с пониманием спросил Автандил. — Вообще я тоже замечал последнее время: солидные люди, то есть ответственные, в ресторане редко встречаются.

— Не рекомендуется, — не вдаваясь в подробности, сказал Рауф. — Сколько каждый из вас внес на подарок?

— Мастера по двадцать рублей, а ученики по пять, — с гордостью ответил Автандил. — С учеников мы сперва не хотели брать денег, но они обиделись, пришлось взять, Агасафа у нас все очень любят.

— Молодцы, — похвалил Рауф. — В ресторан я не пойду, но Агасафу обязательно позвоню и встречу с ним.

Автандил одобрительно улыбнулся и, вымыв руки, приступил к массажу. Рауф вдруг с удивлением обнаружил, что нынешнее посещение парикмахерской, вопреки ожиданию, пока не принесло ему ни малейших огорчений, а в самом конце, после энергичного массажа и тонизирующего ледяного компресса, положенного на вымытую, гладковыбритую кожу, он был вынужден мысленно дать высокую оценку всей работе в целом.

Автандил сказал, что перед уходом Агасаф оставил ему оде-колон, принадлежащий Рауфу, и вытащил из шкафа темно-ко-ричевый с золотом флакон. Вовремя вспомнив о предстоящей встрече со следователем, Рауф попросил на этот раз заменить «Балафрэ» менее пахучей «Свежестью». Унести одеколон он отказался, и это было признаком того, что услугами молодого парикмахера он собирается пользоваться и дальше.

Расплатившись, Рауф дополнительно вручил Автандилу и свой личный вклад в фонд будущего подарка. Для Агасафа он не пожалел бы и больше, но чрезмерная щедрость могла задеть самолюбие парикмахеров, и он ограничился двадцатью пятью рублями. Погруженный в сочувственные думы об Агасафе, он вышел на улицу, где под действием влажной жары, пропитанной густым запахом отцветающей акации, лицо его сразу же покрылось потом, а сознанием с изощренной непоследовательностью завладело воспоминание об аромате, заключенном в баллоне на дне ямы. Ему очень захотелось заехать по пути в гараж и хоть один раз вдохнуть всей грудью, чтобы снова погрузиться в сияющие беспредельностью странные мысли и снова испытать при этом беспричинную нежность и радость предстоящего празд-ника. Но глянув на часы, Рауф нашел в себе силы отказаться от немедленного своего намерения и поехал в прокуратуру.

До встречи с Аскеровым оставалось пятнадцать минут.

У следователя кто-то был. Из-за двери невнятно доносились мужские голоса, слова разобрать было нельзя, но Рауф на всякий случай отошел подальше, чтобы со стороны не показалось, что он подслушивает. Спустя несколько минут дверь открылась, сперва вышел толстый сердитый подполковник с папкой в руках, а за ним майор, тоже сердитый, но худой и без папки. Задержав-шись на пороге, он обернулся к собеседнику в комнате и что-то сказал, и это сказанное, по мнению Рауфа, явственно услышав-шего слово «зоопарк», имело отношение к нему.

Подполковник свободной рукой вынул из кармана носовой платок и, прижав его всей пятерней к багровому лицу, отер пот, а затем для охлаждения помахал перед собой папкой.

— Без магнитофона я с ним больше разговаривать не бу-ду, — начал было подполковник, но сразу же замолчал, потому что майор, взяв его под локоть, глазами показал на Рауфа.

Они прошли совсем близко, и Рауф слышал, как подполков-ник еле слышно выругался сквозь зубы.

Когда Рауф просунул голову в дверь, следователь, открыв оба окна, проветривал комнату. С Рауфом он поздоровался при-ветливо и, продолжая обеими руками поправлять зацепившуюся штору, кивком пригласил сесть. Рауфу хотелось предложить свою помощь, но прежде чем он решил, стоит ли это делать, в том смысле, что не оценит ли Аскеров

желание одного достойного мужчины оказать услугу другому, во всех отношениях равному ему гражданину как попытку подследственного подольститься к следователю, штора плавно скользнула вдоль стеклянной стены, и Аскеров, пройдя мимо своего кресла, уселся напротив Рауфа за продолговатым столом для посетителей.

— Дышать нечем, — сказал он Рауфу, — а попросишь не курить — двойной вред: все равно курят, но еще и обижаются. Трудная жизнь пошла. Я вам скажу по секрету, между нами: позавчера в Орджоникидзевском районе ограбили квартиру очень уважаемого человека. Фамилию я не называю, это не полагается, но вы поверьте, человек очень известный на весь город. А расследовать, то есть установить личность преступников и задержать, кому поручили? Правильно. Конечно Аскерову! И еще два угона машин, одна из них государственная. И еще одно дело, тоже неприятное, с нанесением телесных повреждений средней тяжести во время традиционного банкета выпускников института 1970 года в ресторане «Москва», тоже ведь ЧП, — он жалобно посмотрел на Рауфа, и тот поспешил ответить взглядом, полным понимания и сочувствия. — Почему я вам обо всем этом рассказываю? Тоже скажу откровенно. После того, как мы по-знакомились, я внимательно и подробно изучил все обстоятельства, и мне стало обидно. Думаю, неужели я этому человеку сделал что-то плохое и теперь он мне мстит? Знаете, вообще так бывает, обидел когда-нибудь человека, а сам этого не заметил. Ответьте мне так же откровенно — вы лично против меня что-нибудь имеете? — Аскеров впился взглядом в сбитого с толку Рауфа.

— Да нет, — пролепетал тот, — по-моему, мы раньше и не встречались.

— Тогда почему же вы вместо того, чтобы помочь, создаете мне трудную жизнь. И себе тоже. Ничего нет лучше, чем чисто-сердечное признание. Особенно для человека, совершившего преступление впервые. А вы что делаете? Вместо того, чтобы тихо-мирно во всем признаться, заставляете меня бросить самые важные дела, проделать адскую работу, снова опросить всех очевидцев, показания которых позволяют мне утверждать, что виновником ущерба, нанесенного зоопарку, являетесь именно вы. А ведь вы могли мне сами сказать об этом. Честное слово, солидные люди должны доверять друг другу.

Чувствовалось, что Аскеров искренне расстроен. Махнув рукой, он встал из-за стола, налил стакан минеральной воды, предложил его Рауфу и, только вторично получив отказ, залпом выпил его до дна.

Этот уставший, измученный делами человек совсем не напоминал Рауфу коварную лису, а как раз наоборот, производил впечатление куда более приятное, чем его бывший школьный приятель адвокат Ариф Мусазаде.

— Прошлый раз я вел себя неправильно. Надо было сразу рассказать все, как было. Не поверите, растерялся, а какое это преступление? Если бы я государству урон причинил или людям.

— А я что говорю, — сготовностью подхватил Аскеров. — Вас ведь ни в ограблении банка, ни в вооруженном нападении никто не обвиняет. А такое с кем не случается. Мой кабинет такие дела повидал, что ваше по сравнению с ними — чай с са-харом, мешай и пей... Вы даже не представляете, как мне сейчас приятно. Я всегда говорил, что нормальные люди могут понять друг друга, — разговаривая, он вынул из ящика не-сколько пронумерованных листов и протянул Рауфу: — Хоти-те, напишите все сами, а если трудно, ваши показания могу записать я.

— Почему же трудно? — обиделся Рауф. — Ничего труд-ного.

— Я в том смысле, — объяснил Аскеров, когда Рауф присту-пил к делу, — что мне это легче, опыта ведь у меня больше. — Он взглянул через плечо: — Почерк у вас отличный. Пишите, по-жалуйста, все как было, чем подробнее, тем лучше. А я с вашего разрешения похожу в коридоре, хочется немного ноги раз-мять. — Перед тем, как закрыть за собой дверь, Аскеров извиняющимся голосом добавил: — Последняя просьба: постарай-тесь, пожалуйста, без помарок и исправлений.

Рауфу понадобилось всего полчаса, чтобы на трех страницах описать историю страстного коллекционера, который в целях пополнения коллекции рогов проник ночью на территорию, можно сказать, уже покинутого зоопарка, отпилил у носорога насквозь прогнивший рог, избавив этим старое бессловесное жи-вотное от невыносимых страданий, не менее тяжких, чем зубная боль для человека. В заключение он в теплых искренних выра-жениях написал, что чистосердечно признает свою вину, состоя-щую главным образом в совершении вышеуказанных, вполне безвредных действий, без специального на то разрешения, и просил при решении вопроса учесть его, с точки зрения уголовно-го кодекса, безупречное прошлое.

Единственное сомнение, причем с самого начала, у Рауфа вызывало слово коллекционер. Он не мог вспомнить, как оно правильно пишется, но вскоре придумал удачный выход, напи-сав это несколько раз понадобившееся слово попеременно то с одним, то с двумя «л», благодаря чему получил возможность, не вызывая подозрений в малограмотности, произвести на следо-вателя впечатление рассеянного и озабоченного человека.

Прогулка в коридоре пошла Аскерову на пользу. Он вер-нулся обратно посвежевший, помахивая перед лицом сложенным вдвое чистой стороной наружу листом бумаги.

— Уже кончили? — он улыбнулся, обнажив ряд маленьких острых зубов и действительно напомнил этим, чисто внешне, лису, но, разумеется, не коварную, а нормальную, веселую лису. — Подписались? Ай-ай-ай, как же так, это ведь юридический документ. — Он подождал, пока Рауф подписал свои пока-зания, каждый лист отдельно. — Ничего не утаили?

— Все как есть, — ответил Рауф, протягивая бумагу. И хотя ему очень хотелось, чтобы Аскеров поскорее прочитал его показания, он все же сказал: — Я вот что хотел попросить... Нельзя ли мне вернуть вчерашнее?

— Это вы о чем? — не понял Аскеров.

— Ну, эту бумагу, где я все отрицаю.

— Пустяки, — отмахнулся Аскеров. — Самое главное — это, — он отряхнул исписанные листки. — Сейчас почитаем, что вы здесь сочинили.

Первую страницу он прочел быстро, продолжая улыбаться, но уже с середины второй его лицо начало вытягиваться, а улыбка, превратившись на короткое время в удивленную, вскоре исчезла вовсе. Отложив бумаги в сторону, он уставился на Рауфа. Выражение лица у него было такое, будто вместо искренних показаний ему подсунили анонимку с подробным описанием аморального поведения кого-то из его ближайших родственников по женской линии.

— Это что? — он брезгливо ткнул пальцем в листы.

— Какие-то гнилые рога, зубы. У меня, например, зубы здоровые, их заговаривать не надо. Мы же с вами договорились о чисто-сердечном признании. Верно? А вы что тут написали? Вы что, смеетесь надо мной? Не надо. Я ведь только с виду глупый.

— О чем вы говорите? — закричал не на шутку встревоженный Рауф. — Все как было, так и написал. Что вам еще надо?

— А носорог? — желчно сказал Аскеров. — При чем здесь носорог? Я у вас спрашиваю. Хотите таким способом ввести следствие в заблуждение? Напрасно, это еще никому пользы не приносило.

На глазах Рауфа с человеком происходило что-то непонятное, и он, призвав себя к спокойствию, попытался перехватить инициативу.

— Послушайте, — внушительно обратился он к Аскерову. — Тут какое-то недоразумение. Давайте разберемся: вы меня из-за чего вызвали? Из-за носорога. Верно?

— Сейчас все выясним, — пообещал Аскеров, набирая но-мер. — О носорогах, слонах, крокодилах... Это Аскеров. Свидетели пришли? Давайте сперва ГАИ, — он положил трубку. — Когда вы мне обещали во всем признаться, я пожалел, что лю-дей побеспокоил, из-за вас оторвал их от работы, от дел. А те-перь вижу, правильно поступил. Сейчас встретимся со свидете-лями.

— Как хотите. Но там никаких свидетелей не было — слова эти Рауф произнес автоматически, не вдумываясь в их значение, потому что все чувства и мысли его по давлением необъяснимого поведения Аскерова пришли в хаотическое состояние.

Аскеров сидел молча, мрачно уставившись на дверь. Вошли трое в форме ГАИ — офицер и два сержанта. Рауф безучастно наблюдал, как они поздоровались и прошли к столу, еще не по-нимая, что их приход может иметь отношение к нему.

— Пожалуйста, повторите ваши показания, — обратившись к офицеру, сказал Аскеров.

— В ночь с 18-го на 19-е сентября мы, я и сержанты Багиров и Гадырли, были вызваны по рации на место аварии в районе шоссе Шихово. В 4 часа 40 минут наряд покинул место аварии и направился в город. Доехав до Баилово, рядом с зоопарком мы увидели машину марки «Жигули», номерной знак —37АГУ...

Аскеров жестом остановил офицера.

— Это была ваша машина? — обратился он к Рауфу.

— Не понимаю, для кого вы разыгрываете эту комедию? — усмехнулся Рауф. — Я же полчаса назад написал вам, слово в слово, то же самое, и вы это прочитали.

— Очень хорошо, — удовлетворенно сказал Аскеров, — значит, показания обвиняемого и свидетелей до этого места совпадают. Продолжайте.

— Водитель стоял рядом с машиной.

— А почему вы решили, что это водитель, может быть, ря-дом с машиной стоял посторонний человек? — снова перебил свидетеля Аскеров.

— Не станет посторонний человек стоять у раскрытого ба-гажника под фонарем и при этом еще здороваться с работника-ми ГАИ, — снисходительно улыбнулся офицер. — Да и лицо мне показалось знакомым!

Аскеров покачал головой. .

— Всякое может быть. Но не будем зря спорить. Водителя вы могли бы узнать?

— Так вот он сидит, по-моему, — сказал офицер, кивнув на Рауфа. — По-моему, мы, как вошли, поздоровались.

— Вы видели в ту ночь, с 18-го на 19-е сентября, работ-ников ГАИ — старшего лейтенанта Алмазова и сержантов Багирова и Гадырля? — спросил Аскеров.

— Видел и поздоровался, — повторил Рауф.

Аскеров тяжело вздохнул, как человек, которому предстоит тяжелая и неприятная работа, и пристально глядя на Рауфа, сделал паузу, а затем снова обратился к Алмазову.

— А теперь, свидетель, мы приступаем к самой важной части ваших показаний. Помните, что за дачу ложных или заведомо неправильных показаний вы по закону несете ответственность. Расскажите все, что вам известно о ценном животном, похищен-ном подследственным в ночь с 18-го на 19-е сентября в зоопарке?

— Я за свои показания в любое время могу ответить, — вы-сокомерно произнес Алмазов.
— Мне в этом деле никакого ин-тереса или корысти нет. А насчет ценности животного, я его не покупал и не продавал, не знаю. И вообще в ту ночь никакого животного я не заметил. Могу рассказать, что видел. Водитель стоял у открытого багажника машины, номерной знак 50—37 АГУ, и держал обеими руками птицу.

— Какую птицу?

— Что значит какую?

— У каждой птицы есть свое название, — терпеливо объяс-нил Аскеров. — Что было в ту ночь в багажнике машины 50—37 — гусь, индюшка, курица, утка?..

— Не знаю, — сказал Алмазов, — я успел только заметить, что это была крупная птица,

С той самой минуты, как Аскеров впервые упомянул о птице, Рауф начал горестно покачивать головой, но некоторое время все-ми присутствующими это осталось незамеченным.

— Теперь я наконец все понял, — сказал он. — Об этой про-клятой птице я могу рассказать все.

— Долго же вы вспоминали! — деланно восхитился Аскеров. — Ну, а теперь что вы скажете, когда свидетельские показания неопровержимо доказали, что птица похищена вами?

— Не похищал я никакой птицы, — упавшим голосом сказал Рауф. — Товарищ Аскеров, разве я похож на вора?

— А я, — свирепо рявкнул Аскеров, — а я разве похож на следователя? — Он встал и вытянулся во весь свой чрезвычайно невысокий рост. Тщедушное тело, соединенное худой шеей с головой, с трудом, казалось, вместившей мозг, бегающие хитрые глазки, длинный тонкий нос и все остальное еле втиснулось в узкий треугольник между массивными ушами и торчащими кверху редкими, но жесткими, как стальная проволока, волосами. — Похож?

И Рауф был вынужден сказать «нет», потому что если среди всех находящихся в кабинете одушевленных в неодушевленных предметов и находился какой-то меньше всего напоминавший следователя прокуратора, то им, бесспорно, был сам хозяин кабинета — юрист первого класса Дамир Аскеров.

— Если у вас есть возражения против показания свидетелей, заявите, и я немедленно внесу ваше заявление в протокол, — заботливым тоном предложил Аскеров.

— Они говорят правду, но я эту птицу не похищал. Она сама влезла в багажник, и мне пришлось ее выталкивать. Аскеров взглядом показал Рауфу на свидетелей:

— Посмотрите, они улыбаются, честно говоря, мне тоже смешно, хотя при исполнении служебных обязанностей смеяться не положено. Значит, эта птица, обратите внимание, не какая-нибудь домашняя птица, а дикая, вольная птица стала ночью врваться к вам в машину?

— Да, — Рауф в упор поглядел на Аскерова. — Она влезла в багажник, и мне пришлось ее оттуда вышвырнуть.

— Свидетель Алмазов, — сказал следователь, — вы видели, как подследственный выдворяет птицу?

— Нет, — покачал головой Алмазов, — мы все видели, как он держит ее в руках.

— То есть борьбы между ним и птицей вы не заметили? Может быть, вам издали не было видно?

— Не заметили, — ответил Алмазов, — мы проехали совсем близко. Он улыбнулся и поздоровался с нами.

— Как только вы отъехали, я ее вышвырнул из багажника, — сказал Рауф. И она осталась на том же месте, когда я отъехал.

— Этого мы не видели, — не дожидаясь вопроса Аскерова, с глубоким сочувствием в голосе признался Алмазов. — Если бы видели, то сказали.

— У меня здесь показания дворников, — как бы вскользь сообщил Аскеров, вытягивая из папки несколько исписанных листов. — Они вышли на работу в пять утра, то есть спустя десять-пятнадцать минут после вас. Никаких птиц им не попада-лось.

— А я при чем? — уныло спросил Рауф. — Разве я могу знать, куда она ушла. Это ужасная птица, товарищ Аскеров. Просто непонятно, почему вы из-за нее так беспокоитесь?

— Птица действительно необычная, — согласился Аскеров. — Среди ночи, будучи дневной птицей, а не совой или, скажем, летучей мышью, она встает и, заперев за собой на задвижку дверь птичника, находит дорогу на улицу и решает ворваться в багажник, который по чистой случайности именно в это время оказался открытым. Правильно я говорю?

— Можете не верить, но я сам удивился, когда увидел ее у машины. Если поискать на холме, наверное, можно найти ее следы.

— Молодец, — одобрительно сказал Аскеров, — помнит, что в ту ночь был сильный ливень. Значит, подавай ему следы. Есть следы, вот снимки, только не птичьи, а ваши, сорок

треть-его размера, — он посмотрел на часы. — Вопросы к свидетелям есть?.. Подумайте, так и запишем. Вопросов к свидетелям нет. Можете идти. Спасибо.

С трудом разогнув отекие от неподвижного сидения ноги, Рауф поднялся с места, но Аскеров остановил его:

— Вы останьтесь. Это я свидетелей отпустил, — и потянулся к телефону.

— Мне необходимо уйти, — успел сообщить Рауф, прежде чем Аскеров начал набирать номер. — На два у нас назначено со-вещание, и я обязательно должен присутствовать.

Аскеров с виноватой улыбкой развел руками:

— Ничем не могу помочь. Надо сегодня же закончить ваше дело. Сами видите, я из-за вас даже на обед не ушел. Хорошо что напомнили, попрошу, чтобы нам принесли чай и бутерброды.

Несмотря на уговоры Аскерова, Рауф до еды не дотронулся. Он пил чай и с тоской слушал своего собеседника, с аппетитом поглощающего один за другим бутерброды с колбасой, сыром и шпротами.

— Вы же губите себя, — в коротком антракте перед заключительным бутербродом предупредил Аскеров.

Если бы не сложившаяся ситуация, Рауф с интересом понаблюдал бы, как внушительная бутербродная пирамида за считанные минуты перекечала в аскеровское нутро. Говорил следователь при этом внятно и почти непрерывно, замолкая лишь на несколько мгновений, когда выпирающий из-под тонкой кожи кадык, подобно грузовому лифту, медленно опускался вместе с разжеванным бутербродом до впадинки между выглядывающими из ворота рубашки тоненькими ключицами, а затем легко и плавно взмывал вверх на свое постоянное место.

Рауф слушал невнимательно, стараясь что-то вспомнить. Это оказалось очень трудным делом, потому что Рауфу было неизвестно, с каким событием или человеком связана эта, лишь слегка коснувшаяся края застывшего в напряжении сознания, шероховатая бесцветная полоска случайного воспоминания. Не понимая всю бесплодность своих усилий, он все же пытался по нескольким песчинкам, захваченным вступившимся сознанием, восстановить хоть что-то.

— Вы же гробите себя, — повторил Аскеров. — Только подумайте, какое впечатление ваши показания произведут на прокурора и, самое главное, на судью. Вначале вы отрицали все, даже факт ночного пребывания в зоопарке. Позже признали, что в зоопарке все-таки побывали из-за желания оказать помощь больному носорогу и пополнить свою коллекцию рогов. Кстати, хорошая у вас коллекция?

— Приличная, — сухо ответил Рауф.

— Первый раз слышу, чтобы рога коллекционировали, — Аскеров взял с блюда последний бутерброд. — Вспомнил. Вы живете на улице Хагани. Мы с вами почти соседи. Большая у вас квартира?

— Три комнаты.

— Всего-навсего?

— Почему «всего-навсего»? Нормальная квартира, — усмехнулся Рауф.

— А семья? Вы, жена и двое детей. И еще мебель. Квартира метров пятьдесят?

— Пятьдесят шесть, — машинально уточнил Рауф.

— Где же вы свою коллекцию разместили? — удивился Аскеров. — Эти рога — антилоп, буйволов, оленей — наверное, много места занимают? Интересно было бы взглянуть. Прямо хоть сейчас съездили и посмотрели бы.

«Ну и назойливый тип», — подумал Рауф и, принужденно улыбнувшись, сказал:

— А нет, я ее на даче держу.

— Как раз в эту секунду я и об этом подумал. Поехали! За-одно свежим воздухом подышим. Если ключа при вас нет, съездим по дороге за ним к вам домой. Не хотите?

— То вы говорите, что у вас ни одной лишней минуты нет, то собираетесь ни с того ни с сего за город ехать. Непонятно.

— Непонятно другое, — приподнял брови Аскеров, — обычно коллекционеры так и рвутся показать свои богатства новому человеку, а вы не желаете. Мой приятель бутылки собирает, не пустые, конечно, а со всевозможными напитками. Так он мне ночью иногда звонит: «приходи поскорее, я тебе кое-что пока-жу». Значит, где-то новую бутылку раздобыл с ромом или джи-ном. И ни за что ни одну не откупорит... Вы, наверное, стесняетесь? А чего стесняться, на то она и коллекция, чтобы на нее смотрели. Тем более рога. Поехали?

— Нет, — сказал Рауф. — Мне, честно говоря, нужно уходить — дела. И потом я ведь все-таки семейный человек.

— А я думаю, вы пошутили, — улыбнулся Аскеров — Нет у вас никакой коллекции и никогда не было. Не было ведь, а?

— Какое это имеет значение? Разве так уж это важно?

— Конечно неважно, — подтвердил Аскеров.

— У меня есть один приятель, он никогда ничего не коллекционировал, даже костюмы все время одинаковые покупает — одного фасона, одного цвета. Ну и что, человек ведь нормальный, тоже семьянин. Я за вас даже рад, что нет у вас никакой коллекции. От этих рогов вам житья не было бы ни в квартире, ни на даче... Вот только теперь я понял, для чего вам понадобился этот гнилой рог.

— Для чего? — чрезвычайно изумился Рауф, совершенно не ожидавший от Аскерова такой проницательности.

— Для отвода глаз, — заявил тот и с удовольствием засмеялся. — Правильно? А цель была другая. Верно? Птица?

— Далась вам эта птица, — Рауф с трудом в последнее мгновение удержался от того, чтобы покрутить у лба пальцем. — Держите меня уже третий час, и все из-за какой-то дурацкой птицы. Я просто не понимаю, чего вы от меня хотите?

В ответ Аскеров рассеянно посмотрел на часы и потянулся к телефону, но тот зазвонил сам.

— Пришли? Проводите ко мне.

Минуты полторы-две он сидел молча, наморщив лоб и полузакрыв глаза, и это могло произвести впечатление, что человек думает о чем-то более серьезном, чем судьба той малоприятной птицы. Когда раздался легкий стук, он вскочил и, встретив у двери молодую женщину, в которой Рауф узнал директора зоопарка, усадил ее за стол прямо напротив Рауфа.

К появлению нового посетителя у Рауфа сразу же возникло, что называется, двойственное отношение: с одной стороны, он опасался, что она может его узнать. А это в присутствии Аскерова ничего, кроме неприятных вопросов, не сулило, а с другой, — с приходом директора зоопарка у него появилась надежда услышать о том, что проклятая птица нашлась или хотя бы обнаружен ее труп в пределах территории зоопарка.

— Вы что-нибудь узнали о ней? — с надеждой спросила Алия ханум у Аскерова.

— Пока нет, — ответил Аскеров, — пока мы только нашли человека, который имеет самое прямое отношение к ее пропа-же, — кивком головы он показал на Рауфа.

— Какое отношение? — в недоумении глядя на Рауфа и явно не узнавая его, спросила Алия ханум.

— Я не отрицаю: может быть, эта птица сбежала из зоопарка по моей вине, — с достоинством сказал Рауф. — Отчасти по моей вине, — подчеркнул он, — но уносить ее я не собирался. Тем более что это очень неприятная птица.

— Киви сбежала? — всплеснула руками Алия ханум. — Это неправда, — и повернулась к Аскерову: — Она же очень ласковая, почти домашняя. А в последние дни почти не выходила из своего ящика. Мы ее даже кормили из рук.

— Киви, киви, — с удовольствием повторил Аскеров. — Я все старался вспомнить ее название. А с чего это последнее время она стала такой малоподвижной? Заболела?

— Слава богу, нет. Киви очень редко размножается в неволе. В мире известно всего несколько таких случаев. А наша киви, — тут Алия ханум зарделась от гордости, — готовилась снести яйца. Кладка должна была произойти со дня на день. Это было бы событием для всех ученых-зоологов и вообще для научной общественности.

— А если это такая уж редкая птица, — спросил Рауф, пытаясь направить рвение Аскерова по другому направлению, — почему же вы ее оставили в старом зоопарке, в пустом помещении? Мне и то там было страшно, представляю, чего одинокая птица натерпелась.

— Всех птиц, в том числе и киви-самца, мы перенесли в новый зоопарк, — сухо ответила Алия ханум, обращаясь только к Аскерову. — А нашу киви мы специально оставили в привычных для нее условиях. Потому что в период кладки на эту птицу с чрезвычайно тонкой нервной системой новые незнакомые факторы могли бы повлиять отрицательно. Скажите хоть, она жива? — с откровенной неприязнью глядя на Рауфа, спросила директриса.

— Мне ничего о ней не известно, — сказал Рауф. — В последний раз я видел ее той ночью.

— Еще, может быть, вспомнит, — оптимистически сообщил директрисе Аскеров. — Поначалу наш друг вообще ничего не помнил. А сегодня с утра и про посещение зоопарка вспомнил, и про носорога.

Алия ханум смотрела на него с таким изумлением, что Рауфу пришлось отвести взгляд.

— Здоров, здоровее нас с вами, — отозвался на ее немой вопрос Аскеров. — Справки, правда, на этот счет не имеется, но суду свидетельство о состоянии здоровья представлено будет.

«Сама ты психопатка», — с неприязнью подумал Рауф. С чего это при первой встрече, несколько дней назад, директриса показалась ему приятной женщиной?..

— Так вы утверждаете, что киви — очень редкая птица? — настаивал тем временем Аскеров.

— Редчайшая, — скорбно покачала головой Алия ханум. — Почти такая же редкость, как ее земляк, новозеландский сумчатый тигр. Того искать — вообще уже безнадежное занятие.

— Никакого тигра я не видел, — возмутился Рауф, решивший, что его пытаются обвинить и в похищении тигра. — Значит, если у вас какой-то зверь сбежал или, извините, подох, за все я должен отвечать?

Аскеров посмотрел на Алию ханум, не скрывая недоумения, и она поспешила внести ясность.

— Я имела в виду, что сумчатый тигр исчез как вид, то есть слица земли. Его истребили. А киви осталось очень мало. Эта птица занесена в Красную книгу, а ее убийство считается одним из самых тяжких преступлений и карается тюремным заключением сроком до пяти лет.

— Ну, мы живем не в Новой Зеландии, — улыбнулся Аскеров. — Кроме того, ведь еще не доказано, что она убита. — Несмотря на то, что сказанное по поводу разнузданных законов Новой Зеландии полностью совпадало с мнением Рауфа, его насторожил вкрадчивый тон Аскерова. — Вы очень убедительно о ней рассказали. Но мне не ясно одно: если эта птица такая редкая, то она, наверное, и стоит дорого? Или она хоть и редкая, но дешевая, или, может быть, вообще ничего не стоит, как бесхвостая кошка, или, например, гнилая морковь?

— За нее уплачено столько валюты, сколько стоит вертолет, — сказала Алия ханум.

— Очень неопределенно, — поморщился Аскеров и почти одновременно ободряюще улыбнулся Рауфу. — Вертолеты ведь бывают разные. Мне нужна точная стоимость пропавшего имущества. В виде справки.

— Вы ее получите, — рассеянно сказала Алия ханум. — Но зачем нужно было уносить киви?

— Вот именно, — уныло поддакнул Рауф.

Аскеров развел руками:

— Я в этом кабинете за десять лет такого наслышался, что могу предположить самое разное. Кстати, о птицах. Два года назад вел дело. Парень, с виду нормальный, на Шахской косе каждый раз охотился на лебедей, убивал их во время перелета. На даче у него мы откопали останки свыше ста лебедей. Я ему говорю: у тебя есть разрешение на охоту, ты имеешь право на отстрел диких уток, гусей, для чего тебе лебеди понадобились, знал ведь, что совершаешь преступление. Знаете, что он мне ответил? — Аскеров облизал губы, с удовольствием вспомнив ответ парня. — А он говорит: мясо лебедей вкусное, но не лучше гусиного, зато каждый раз, когда я его ел, знал, что, кроме меня, ни один человек ни за какие деньги не сумеет лебединого мяса отведать. Раньше цари его ели... Алия ханум, что с вами? — обеспокоено спросил Аскеров. — По щекам побледневшей женщины катились крупные слезы.

«Что же будет, если она узнает, что с кем-то из ее родных несчастье случилось, — попытался представить Рауф, — если из-за птицы так убивается? Теперь-то, дорогой товарищ Аскеров, вам ясно стало, кто из нас троих псих?»

— Неужели он съел киви? — всхлипывая, спросила Алия ханум.

Вначале Рауф снисходительно улыбнулся, считая, что столь вздорное предположение не заслуживает внимания, но после того, как Аскеров взглядом дал понять, что ждет ответа, предложил, чтобы кто-нибудь сейчас же, под любым подходящим предлогом, позвонил его жене, которая расскажет, что никакой птицы — ни домашней, ни дикой — он в рот не берет.

— Так и запишем, — бодро заявил Аскеров. — Значит, будем надеяться, что птица жива.

— Знаете, о чем я сейчас думаю? — после ухода Алии ханум спросил Рауф.

— Конечно, — продолжая писать, не раздумывая ответил Аскеров, — или обо мне, или о птице. Верно?

— Почти, — веско ответил Рауф. — Я думаю о вас, о себе и о будущем, но не о животном. Вы меня понимаете?

Аскеров перестал писать и уставился на Рауфа:

— Пока все понятно.

— Здесь я понял самое главное: все дело в Алие ханум. Поймите меня правильно, я против вас ничего не имею, но она человек несчастный, наверное, нет у нее ни детей, ни мужа, вот женщина и не может успокоиться из-за паршивой птицы. Не-хорошо говорить, но здесь посторонних нет, женщина — чело-век, а пахнет от нее, извините, не то коровой, не то тигром.

— У нее есть семья, — поправил Аскеров, но как бы между прочим, не оспаривая мнения Рауфа, а скорее, в виде формальной справки. — А пахнет от нее духами. По-моему, дорогими.

— Все равно истеричка, — не согласился Рауф. — Вы же сами видели, как она себя вела. К чему я все это говорю? Разберемся-ка вместе. Пропала птица, верно?

— Да, — подтвердил Аскеров, — по вашей вине пропала импортная птица киви. Причем очень дорогая.

— Разве я отрицаю, что по моей вине, — подхватил Рауф, убедившийся благодаря последним словам Аскерова, что находятся на верном пути. — Так давайте найдем выход. Разве оттого, что меня будут судить, птица найдется? Или на этом государство что-нибудь выиграет? Вот вы умный человек, скажите, может быть, вам будет приятно, что у меня начнутся неприятности? Если так, я молчу, закрывайте дело и передавайте его в суд. Мне просто интересно, кому это нужно, кроме этой несчастной женщины?

— Ну и что вы предлагаете? — спросил Аскеров, и Рауф с облегчением увидел в его глазах интерес и оживление.

«Не «что», а «сколько»», — мысленно поправил он собеседника и повел вокруг себя подходящим для такой ситуации настороженным, цепким взглядом.

Конечно, кабинет следователя не самое удобное место для разговора, но Рауф, по праву считавшийся в своем виноградно-алкогольном учреждении крупным специалистом по налаживанию первых и потому наиболее рискованных контактов с основными партнерами, чувствовал в Аскерове человека понимающего, с которым можно говорить откровенно — не опасаясь с его стороны демагогических выпадов, производящих, при всей своей бесполезности, тошнотворное впечатление на делового человека.

— Самое лучшее и самое простое, — бодрым голосом начал Рауф, но, несмотря на уверенность, в этот решающий момент он все же волновался, — вы закрываете дело, а я вношу деньги за птицу, полностью всю сумму, две тысячи рублей.

— Но ведь из зоопарка еще не сообщили, за сколько она куплена, — улыбаясь, возразил Аскеров. — Откуда взялась эта цифра — две тысячи?

Рауф не был жадным человеком. Недостатка в деньгах у него давно уже не было, и тратил он их легко, еще и потому, что в его глазах они скорее были полезным изобретением, чем символом материальных ценностей и человеческого труда. Но вопрос Аскерова ему не понравился.

«Или цену набивает, или дурачком от стеснения прикидывается», — с досадой подумал Рауф.

— Если бы вы ее увидели, — вздохнул он, — вы бы за нее и двух рублей не дали. А справку кто составляет? Директор. Вот она и напишет, что эта птица на пять рублей дороже лин-кора. Вы же слышали, какие она глупости несла. Честно говоря, две тысячи я предлагаю из личного уважения к вам. Из уважения к симпатии. Берите и тратьте на здоровье.

«Первым делом коронки поменяй на золотые», — про себя пожелал Рауф следователю.

— Иными словами, вы эти две тысячи предлагаете мне? Так сказать, дарите?

— Стоит ли уточнять? — запротестовал Рауф. — Берите, и дело с концом.

— Вы работаете в управлении № 8 по сбыту виноградной продукции? — раскрыв папку, спросил Аскеров.

— Да, — Рауф сразу понял, куда тот клонит, и ему это не понравилось, он не любил жадных людей.

— Могли бы и три тысячи за пропавшую по вашей вине птичку отдать. Могли бы ведь? И четыре тоже. Причем без особого напряжения. Верно?

— Дело того не стоит, — усмехнулся Рауф. — Ладно. Пуст будет две с половиной. Только одно условие, чтобы моего имени в этом деле не было вообще. Ладно?

Аскеров с любопытством смотрел на него.

— А вам известно, какое наказание грозит за дачу взятки должностному лицу при исполнении служебных обязанностей? — строго спросил он.

— Нехорошо, — упрекнул его Рауф. Несмотря на возникшее отвращение, он заставил себя говорить добродушным тоном. — Это не разговор. Никто вас брать не заставляет, не хотите — не берите, если мало, — последнее слово он произнес с нажимом, — скажите... В конце концов, свет на вас клином не сошелся, а пугать меня не надо, я не из пугливых.

— Пугать я вас не собираюсь, — пожал плечами Аскеров. — Хотел только предупредить, что вышесказанное считается од-ним из серьезных преступлений и наказывается тюремным за-ключением сроком от восьми до пятнадцати лет.

— Очень редко это получается, — усмехнулся Рауф. — Дело о взятке — как регистрация в загсе: без свидетелей брак недействителен. А где его взять, свидетеля?

Аскеров спорить не стал. Не двигаясь с места, он правой рукой коснулся невидимого рычажка, и обомлевший Рауф услы-шал свой голос, записанный на пленку, четко и ясно предлагав-ший Аскерову некоторое улучшение его жизненных условий.

— Вот вам свидетель, — и Аскеров выключил магнитофон. — Только он не понадобится, я не собираюсь вам предъявлять об-винение в предложении взятки.

До Рауфа не сразу дошел смысл его слов.

— Тогда зачем вам это понадобилось? — запинаясь, спро-сил он, хотя, задавая вопрос, уже знал, хоть и приблизительно, какой услышит ответ.

— У меня есть приятель. Мы дружны с детства. Толковый, прекрасный инженер, правда, у него есть одна странность: ум-ный человек, а болеет за паршивую команду «Нефтчи». Лет двадцать пять уже болеет. Знаете, что он сделал? Записал на магнитофон все ее выдающиеся победы, а их по пальцам пере-честь можно, и время от времени включает и слушает. Сидит и получает удовольствие от того, что двадцать лет назад Мамедов забил гол в ворота «Торпедо», или от матча, где «Нефтчи» в давно уже не существующем составе разгромил «Арарат». Я то-же попал под его влияние. Коллекционирую записи, где мне предлагают взятки. Когда выйду на пенсию, тоже буду слушать и представлять, каким бы я мог стать богатым человеком, — он улыбнулся, показав при этом неприятно блеснувшую полосу металлических зубов. — А привлекать вас за это не буду. Знаю, что нарушаю служебный долг, но не буду. Почти в каждом деле это повторяется. Пришлось бы все следственные дела забросить, самые важные и интересные, только для того, чтобы делами о взятках заниматься.

— Извините, — Рауф решил для пользы дела, а также для того, чтобы поддержать разговор, изобразить раскаяние, — на-прасно я полез к вам с этим предложением.

— Почему напрасно? — возразил Аскеров. — Ваше пред-ложение является еще одним, хоть и косвенным, но подтверждением признания вами совершения преступления.

— Ладно, — вставая, сказал Рауф. — Я посоветуюсь с друзьями, среди них есть юрист! Может быть, какой-то выход иотыщем. До свидания.

— Юриста вы имеете право вызвать к себе в камеру. В определенные дни и часы, — Аскеров стоял, опираясь вытянутыми руками на стол, и, усмехаясь, смотрел на Рауфа. — Продолжаете делать вид, что не понимаете серьезности совершенного пре-ступления? Напрасно.

Рауф хотел ему ответить, но промолчал. Не потому, что раз-думал или ему было трудно разговаривать — просто он вдруг, хоть и ненадолго, но начисто забыл о том, где находится и о чем идет разговор. Он стоял и смотрел на Аскерова и не мог отвести от него глаз. Из нескольких коротких распоряжений, отданных вошедшему на звонок милиционеру, Рауф не расслы-шал ни слова и не сразу сообразил, чего от него хотят, когда ему предложили позвонить домой. Именно сейчас, после долгих му-чительных попыток, он, наконец, понял, кого ему напомнил с первой же минуты Аскеров, и это знание принесло ему сразу и страх и смятение. В сопровождении милиционера он шел по длинному коридору и в мельчайших подробностях вспоминал горящие глаза, железные зубы и чешую страшной рыбы с лицом Аскерова, теперь уже наяву переживая липкий ужас недавнего ночного кошмара.

Суд состоялся через две недели. Вначале все шло хорошо. Члены суда отнеслись к Рауфу без неприязни. Судебные засе-датели посматривали на Рауфа с интересом и даже, как време-нами ему казалось, с сочувствием, а судья, толстый благодушный человек с круглой блестящей лысиной, во время показаний сви-детелей и единственной потерпевшей в лице директора зоопарка несколько раз с трудом подавил улыбку, а один раз, когда подсудимый, то есть Рауф, по требованию прокурора подробно изобразил сцену нападения на него злобной птицы, громко хмыкнул, после чего, смутившись, искусно замаскировал неуместный смешок под кашель и громким голосом призвал к порядку развеселившуюся публику.

Уходя на перерыв, Рауф старался не смотреть в зал, так как знал, что там Халида, которая пришла с Кямилем. Всем остальным членам семьи по совету Арифа сказали, что Рауф неожи-данно уехал в командировку.

В комнате, куда привели Рауфа, было прохладно, но сидящий напротив Ариф непрерывно вытирал пот. Обедать они не ста-ли. Ариф вышел в коридор и, остановив знакомого практикан-та, попросил купить несколько бутылок воды.

С Рауфом он почти не разговаривал. Рассорились при пер-вой же встрече, в день, когда по желанию семьи и согласию подсудимого Арифу официально была поручена защита, и он, тщательно ознакомившись с делом, пришел на доверительную беседу со своим подзащитным. Приходу его Рауф обрадовался и, поблагодарив за слова одобрения и моральную поддержку, рассказал историю ночного посещения зоопарка. Ариф, сидя

напротив, слушал так внимательно, как будто ничего не знал о ней раньше, а в конце попросил Рауфа откровенно объяснить, для чего все же ему понадобилось похищать птицу.

— Я же сказал тебе, зачем ходил в зоопарк, — призвав себя к сдержанности, напомнил Рауф, — а ты все-таки задаешь мне такой странный вопрос.

— Но ведь это главный пункт обвинения, о чем же я должен спрашивать? — огрызнулся Ариф.

— Я устал повторять Аскерову, что к птице отношения не имею. Но ты-то ведь не Аскеров! — сказал Рауф, и подбородок Арифа привычно дрогнул под его сердитым взглядом. — Верить или нет?

— Ладно, — стараясь не смотреть на приятеля, ответил Ариф. — Допустим, птицу ты не похищал, допустим, она сбежала сама, хотя я сомневаюсь, что на суде кого-нибудь удастся в этом убедить... Но хоть мне объясни, для чего солидному человеку нашего с тобой возраста понадобилось... — он заглянул в разложенные перед ним листы. — Где это? «...в ночное время тайно проникать через щель в заборе на территорию Государственного бакинского зоопарка». С какой целью? При этом, во-первых, в ночь совершения преступления этот человек, согласно собственным, а также косвенным показаниям, в состоянии сильного опьянения не находился, и, во-вторых, он, как явствует из приложенной к делу медицинской справки, является психически здоровым?.. Допустим, ты все это затеял из-за рога. Но тогда расскажи, куда ты его дел и зачем он тебе понадобился?

— Не подумай, что я тебе не доверяю, — мрачно усмехнулся Рауф, — просто смысла в этом нет. Я тебе и тогда, и сейчас говорю правду, мне нужен был рог!

— Первым делом на суде спросят, для чего он тебе понадобился? И придется что-то сказать, никуда ты от этого не денешься!

— А что я на этом выиграю?.. Твоя ошибка в том, — покачав головой, сказал Рауф, — что в последнее время тебе стало казаться, что ты умнее меня. Я спрашиваю, что я на этом выиграю? Знаешь, чего мы добьемся, если я тебя послушаюсь?.. Только одного: потребуют, чтобы я вернул рог. А для меня это теперь, когда я уже здесь, — он махнул рукой на зарешеченную дверь, — и ничего изменить нельзя, будет самым большим несчастьем. Пропажа птицы все равно ведь останется на мне.

— Что же делать? — растерянно спросил Ариф, собирая бумаги со стола. — Мне же не на чем строить защиту!

— Подумай, — посоветовал Рауф. — На то ты и адвокат.

— Лучше, пока не поздно, я откажусь от этого дела, — прерывающимся от неожиданного прилива смелости голосом заявил Ариф. — Не хочется быть посмешищем на суде.

— Молодец, — одобрил Рауф. — Наконец-то ты перестал рассуждать о благородстве и показал свое настоящее лицо. Ты прав. Рауфу сейчас плохо, пользуйся! — Не вставая, небрежным кивком он попрощался с Арифом, ни капли не сомневаясь, что тот вернется. Так и получилось.

Ариф появился на следующий день и с тех пор навещал своего подзащитного ежедневно, но пользы от этих посещений Рауф не ждал. Сразу же после того, как закончилось следствие, его навестил Горхмаз Гурджиев, юрисконсульт, который на протяжении многих лет успешно улаживал крупные и мелкие разногласия, время от времени возникающие между действиями отдельных работников учреждения, где служил Рауф, и республиканским законодательством. Ежеминутно оглядываясь, такая уж у него была привычка, Горхмаз попросил Рауфа не нервничать и всецело положиться на него. С судьей Горхмаз был знаком не достаточно близко, но обещал найти к нему подход. Прощаясь, Рауф не сомневался в успехе, но все же в целях усиления гарантии и поощрения Горхмаза еще раз попросил его не ограничивать себя в расходах. Вести от Горхмаза поступили скоро, но ни одна из них: не оказалась приятной. Рауфу было известно, какими связями располагает Горхмаз, и он даже больше удивился этому известию, чем расстроился.

В свой последний приход, за день до суда Горхмаз признался в полном поражении. Чувствовалось, что он совершенно сбит с толку, головой он теперь вертел непрерывно и уже не уговаривал Рауфа беречь нервы. Небритый и осунувшийся, он сидел напротив и сбивчиво рассказывал обо всех попытках, сделанных очень влиятельными и надежными людьми, вызвать у судьи чувство симпатии и горячее желание облегчить судьбу Рауфа — в форме, предположим, возвращения случайно оступившегося человека к нормальной трудовой жизни, ну на худой конец — путем внесения в текст сурового приговора всего лишь нескольких слов, благодаря которым наказание назначается в условном виде.

Рауф прекрасно понимал, что все это результат зловещей деятельности Аскерова, и поэтому лишь горько усмехнулся, когда Горхмаз попытался объяснить трусливое поведение судьи необычностью предстоящего процесса, но спорить не стал.

Заключительное заседание началось выступлением прокурора. То, что прокурору дали слово сразу же после перерыва, Рауфом было расценено как доброе предзнаменование, так как ему было известно, что у большинства людей после обеда появляется благодушное настроение и желание сделать приятное окружающим. Но прокурор, спортивного вида

молодой человек лет двадцати семи в модном костюме, не только не оправдал надежд Рауфа, но произвел самое отталкивающее впечатление своим выступлением.

Начал он вполне прилично: улыбаясь, сказал, что еще со школьной скамьи восхищался мастерством такого опытного и талантливового адвоката, каким является Ариф Гейчайлы, продолжал бы восхищаться им и в дальнейшем, если бы не сегодняшняя речь, в которой тот пытался представить поведение подсудимого чуть ли не как невинное баловство, в то время как действия великовозрастного вооруженного человека, проникшего ночью на территорию государственного учреждения и не оставившегося перед взломом двери, являются как раз одним из тех преступлений, которые из-за полного отсутствия моральных устоев у совершающих их представляют для общества особую социальную опасность.

Прокурор сказал, что, по его мнению, подсудимый принадлежит к типу правонарушителей, у которых на пути к достижению корыстной цели не существует никаких нравственных барьеров. Конечно, Рауф, который без труда проник в процесс мышления юного карьериста, понял, что того меньше всего беспокоит урон, нанесенный зоопарку. Весь его пыл вызван желанием произвести за счет Рауфа выгодное впечатление на окружающих, но от этого легче ему не стало. Оказалось, что очень неприятно в присутствии собственной жены и посторонних людей выслушивать о себе такие обидные слова. По ходу выступления прокурор попросил секретаря показать присутствующим фотографию птицы, сказал, что похищение этого редчайшего экземпляра перечеркнуло работу большой группы ученых и нанесло науке урон, последствия которого пока предсказать нельзя.

Поговорив о Рауфе еще полчаса в том же тоне, прокурор обратился к суду с предложением осудить его на основании двух статей уголовного кодекса к тюремному заключению сроком на пять лет.

До этого у Рауфа и в мыслях не было выступать, но речь прокурора довела его до такого неистовства, что он с готовностью кивнул, когда судья спросил, есть ли у него желание высказаться, перед тем как суд удалится на совещание? Рауф встал, но заговорил не сразу, растерялся, когда увидел, что прокурор начал пробираться к выходу из зала. Мощным усилием воли, наподобие вулкана, который первым делом при пробуждении выбрасывает из себя осевший в кратере мусор и уже потом извергает из раскаленного жерла испепеляющие окружающий мир потоки расплавленной лавы, Рауф освободился от сковывающего смущения и вздохнул.

— Вот! Посмотрите на него! — собственный голос показался ему очень звучным, позже выяснилось, что он и в самом деле говорил громко, во всяком случае, по словам Халиды: ей казалось, что Рауф говорил в микрофон. — Он уходит! Ему не интересно, как закончится суд и что будет с человеком, которого он потребовал посадить на пять лет, посадить в тюрьму!

Все головы повернулись в сторону прокурора, который, густо покраснев, замер на месте и уставился на судью, но тот, даже не взглянув в его сторону, ждал, что скажет дальше подсудимый. На возвращение прокурор потратил секунд десять-двенадцать, каждая из которых показалась Рауфу приятной и поэтому чересчур короткой.

— Дорогой товарищ прокурор, наверное, не знает, что такое пять лет. За пять лет люди получают высшее образование, за пять лет строят водопровод, даже война длилась всего четыре года, а этот дорогой товарищ прокурор хочет на целых пять лет посадить в тюрьму человека. За что? — Рауф обвел взглядом зал и увидел, что его внимательно слушают. — Я спрашиваю, за

что? Даже на фотографии видно, что это не орел и не павлин, а очень противная птица, за которую заплатили огромные деньги, причем валютой. Разве это не преступление — выбросить государственные деньги за какую-то паршивую птицу, для которой приходится привозить из-за границы корм, и тоже на валюту? Наш дорогой товарищ прокурор сказал, что я ее съел! Это

клевета! Разве у нас голод, чтобы такой человек как я стал есть что попало? Допустим, я ее все-таки съел. Надо мне за это давать пять лет?.. Удивляюсь, что такого молодого человека назначили прокурором. Он же ничего еще не повидал, жизни не знает. В то время как его сверстники строят БАМ и электро-станции, он сразу же после института устроился на работу в

самом центре города — для того, чтобы несправедливо обвинять людей. Надо еще проверить, как он сюда устроился и кто его

устроивал! — последние слова Рауф произнес с расстановкой и медленно, и оттого они прозвучали особенно веско. — И потом, надо быть политически грамотным, читать газеты. Давайте по-думаем, кому на руку все это дело? После того, как меня обвинили в воровстве, я про эту птицу все узнал. Ее зовут киви, и живет она в Новой Зеландии. Этих птиц там столько же, сколько у нас кошек, не меньше. Житья от них там нет, по ночам забиваются в дома и воруют еду. — Рауф посмотрел на членов суда. — Вы понимаете, что они о нас подумают, как узнают, что за одну такую птицу человеку дали пять лет?! Разве это правильно?

Нужные слова отыскивались сами и свободно ложились на язык, он говорил и чувствовал при этом, что каждое слово его проникает в сознание людей, что весь зал, превращенный в единое целое им, Рауфом, с напряженным вниманием слушает и будет слушать его, пока он говорит. Это было совершенно неизведанное чувство, отдаленно напоминавшее испытанное в детских сновидениях сладостно-пугающее ощущение полета.

Рауф кончил говорить и сел. Он ждал, что кто-нибудь, судья или прокурор, сделает ему замечание за резкий тон выступления, но этого не произошло. В полной тишине судья спросил вполголоса что-то у заседателей, а затем обратился к Рауфу:

— Вы признаете себя виновным?

Вопрос был настолько неожиданным и до того не соответствовал состоянию высокой взволнованности, переполняющей Рауфа, что единственно правильный ответ он сумел найти не сразу.

— С одной стороны, да, а с другой, если хорошенько подумать, то, конечно, нет, — громко, уверенным тоном сказал он, и судья, полуприкрыв тяжелыми веками глаза, медленно качнул головой в знак того, что он все понял именно так, как хотелось Рауфу.

Суд удалился на совещание, оставив взволнованного Рауфа наедине с залом, который казался ему теперь заполненным преимущественно людьми сочувствующими и доброжелательными. Это ощущение было подкреплено неизвестно откуда-то вдруг появившимся официантом Сабиром, который, приблизившись к скамье подсудимых, успел, прежде чем его оттеснил конвоир, пожать Рауфу руку, сказав, что после этой речи он еще раз понял, какой тот замечательный и мужественный человек.

Разумеется, при всем этом Рауф несколько не рассчитал, что неожиданно появившийся ораторский талант может заставить суд оправдать его, и тем не менее состояние эйфории не только не ослабевало, а еще усилилось, когда, украдкой бросив взгляд в сторону жены, он обнаружил, что она смотрит в его сторону с выражением восхищения и жалости. Не удержавшись, он все-таки спросил у Арифа, может ли повлиять на судью его выступление, и тот дал ответ, после которого Рауф сделал вывод двумя вариантами, начисто исключаящими любой третий, благоприятный для Арифа, ибо в соответствии с ними тот выглядел либо человеком завистливым, либо же невежественным в своей профессии адвоката. И еще Рауф подумал, что, может быть, сделал в свое время ошибку, не окончив вместе с Арифом юридический факультет.

Все встали, когда вошел суд. Почти одновременно с судьей и заседателями откуда-то сбоку вынырнул прокурор, и по его расстроенному лицу Рауф догадался, что настоять на своем ему не удалось. Это подтвердилось почти сразу же после того, как судья огласил решение, согласно которому Рауф приговаривался к двум годам тюремного заключения и денежному штрафу в размере двухсот рублей.

Особенно тяжелыми показались первые дни, но позже, не-много свыкнувшись с новым образом жизни, Рауф научился по-другому относиться ко многим обстоятельствам, а кое-что стал постепенно расценивать даже как везение. Именно удачей было то, что его направили отбывать срок в колонии, находящейся на территории республики, и ничем другим, как двойным везением, невозможно было истолковать тот факт, что среди вновь прибывших заключенных отыскался лишь один, чей возраст, солидная внешность и агрономическое образование позволили в соответствии с требованиями тюремной

администрации занять вакантное место одного из помощников главного садово-да внутреннего парка с небольшой оранжереей. И этим челове-ком оказался Рауф. Работа была не тяжелой, а в хорошую по-году казалась даже приятной и обладала свойством погружать человека в глубокие раздумья об окружающем мире и о себе.

С Арифом он увиделся через два месяца. Его адвокат был очень сердит и не старался этого скрыть.

В начале Рауфу это очень не понравилось, но выслушав Ари-фа, он был вынужден признать за ним некоторые права на это. Вести, привезенные Арифом, были действительно неприятными и заключались в том, что против Рауфа возбуждено новое уголовное — по осквернению могил. Обвинители — ближайшие род-ственники покойного Мамедзаде Шейды Газанфар оглы — до-казательно утверждали, что Рауф и его сообщник Сабир, не пожалев для этого денег, наняли людей, и те, осуществляя их гнусный замысел, резцом и краской вывели на могиле надпись, лживо утверждающую, что известный своими мужскими досто-инствами в Пиршагах и за их пределами Шейда Газанфар оглы Мамед-заде при жизни был женщиной, и не потомком знамени-того рыбака Газанфара-киши, а какого-то неизвестного Бегляра, что также наносит тяжкое оскорбление безупречной чести мате-ри Шейды Газанфар оглы, ныне также покойной, Алмас ханум, женщины верующей и в высшей степени порядочной, а заодно и всем многочисленным здравствующим родственникам Мамед-заде.

— Что с тобой происходит? — удивлялся Ариф. — Зачем ты это сделал?

— Разве Шейда может быть мужчиной? — спросил растеряв-шийся Рауф. — Я знал двух-трех женщин под этим именем. Это женское имя!

— Оказывается, ты простейших вещей не знаешь. Любой деревенский человек скажет тебе, что имена Иззет, Шовкет, Шей-да могут быть как мужскими, так и женскими, — внезапно Ариф уставился на приятеля. — А зачем тебе это вообще понадоби-лось: восстанавливать чужую могилу?

— Нужно было, — неохотно выдавил Рауф. — Я тебе потом объясню.

— Когда же это потом?

— Через год и девять месяцев, — сказал Рауф. — Когда выйду отсюда, все объясню, а ты меня поймешь.

— Неизвестно теперь, когда ты отсюда выберешься, — про-бормотал Ариф. — С учетом твоей судимости, последствия вто-рого дела могут оказаться серьезными.

— Можешь чем-нибудь помочь? — Рауф совсем упал духом, и Ариф почувствовал это.

— Кажется, что-то получается. Пытаюсь уговорить родственников, через знакомых пиршагинцев, чтобы они забрали назад свое заявление. Вначале и слушать не хотели, на меня чуть ли не с кулаками бросались, а теперь сговорчивее стали. Я, кажется, сумел убедить, что злого умысла здесь не могло быть, ну и про твое нынешнее положение рассказал, тоже подействовало. Так что ты очень уж не переживай, будем надеяться на лучшее.

В оставшееся время о делах они не говорили, просто сидели, вспоминали юность, и Рауф, глядя на своего приятеля, еще более исхудавшего за это время, вдруг почувствовал всей своей потеплевшей от этого разговора душой неясное беспокойство и грусть.

— И все-таки одного вопроса ты мне не задал, — перед самым уходом сказал Ариф. — Ты ничего не спросил о Сабире. А ему ведь очень туго пришлось, на время даже в город переехал. Вел он себя очень благородно. Пытался все взять на себя, но уже было поздно. К этому времени все знали, что он восстанавливает могилу, исполняя желание своего друга Рауфа.

— Мне и в голову не пришло, что у него могут быть неприятности, — покраснел Рауф. — Ты ведь о нем как-то вскользь упомянул...

Время шло медленно, в каждодневных однообразных заботах о процветании постоянных местных обитателей — деревьев и кустов. Рауф быстро освоил несколько самых ходовых операций, и уже спустя три месяца его заботам был поручен отдельный участок, где он добросовестно применил обретенный опыт, самостоятельно обрезав бесплодные ветви на всех инжирных деревьях. По непонятной причине он проникся вдруг неприязнью к тмину и, приравняв его своей властью к особо вредной разновидности сорняков, приступил к регулярной очистке садовой территории от зарослей ненавистного ему растения.

Вырванные с корнем кусты он после недолгой просушки сгребал в кучу и к концу дня поджигал. Зрелище пылающего костра и пряный запах дыма навевали приятные воспоминания, позволяя тем самым забыть о действительности, а мерцание догорающих углей, постепенно покрывающихся красноватым слоем раскаленной золы, способствовало незаметному погружению в мечты о будущей жизни, которую он собирался сильно изменить после выхода на свободу.

В разгар очередной агротехнической процедуры, когда Рауф, присев с подветренной стороны на собственноручно сколоченную им скамеечку, любовался извивающимися в

пламени стеблями, к нему подошел надзиратель Гасан, крепкий деревенский парень, прибывший сюда полтора года назад после милицейской школы, которую он окончил с отличием. Несмотря на молодость, к исполнению служебных обязанностей Гасан относился чрезвычайно серьезно, не давая ни в чем поблажки ни себе, ни другим, за что в сравнительно короткое время заслужил доверие старшего надзирателя Джафара Мамедзаде, служаки с безупречной репутацией, знающего наизусть — выборочно или подряд — все статьи устава внутренней службы. Но даже людям, вплотную приблизившимся к совершенству, далеко не всегда удается очиститься от недостатков, присущих человеку с рождения или приобретенных впоследствии, и эта вечная истина подтвердилась на примере столь перспективного специалиста вскоре после его официального знакомства с Рауфом. Завидев Рауфа, Гасан вскакивал с места, разговаривал с ним, почтительно склонив голову и обращаясь по имени, ни разу не забыл назвать дядей. Словом, вел себя так, будто живут они в его родной деревне, где Рауф, в силу своего возраста и еще каких-то ему неизвестных причин, мог рассчитывать на те знаки уважения, которые здесь вызывали лишь недовольство у старших по званию. По сравнению с бесспорными заслугами Гасана, замеченная за ним слабость была еще заметней, хоть и не больше макового зернышка на сдобном пироге, но это не мешало Джафару Мамедзаде оставить после планерки Гасана в своем кабинете и сначала прочитать ему наизусть нужную статью, а затем своими словами в доходчивой форме напомнить, что служебный персонал обязан относиться к обитателям закрытого учреждения независимо от личных симпатий и антипатий, то есть ко всем одинаково, обращаться к каждому исключительно по утвержденной форме и никого не выделять, иначе как в виде письменных приказов, официально поощряющих за примерное поведение или же взыскивающих за проступки.

Как и положено исправному службисту, Гасан вины своей отрицать не стал, но, выйдя из кабинета, отношения к Рауфу ничуть не изменил: завидев его, вскакивал с места и называл почтительно дядей. Рауф поначалу отнесся к поведению Гасана недоверчиво, расценил его как издевательскую шутку и постарался в меру своих ограниченных возможностей встречаться с ним пореже. Только гораздо позже, полтора месяца спустя, Рауф, наконец, поверил, что все это — на самом деле внешнее проявление самой что ни на есть почтительной симпатии, возникшей в душе Гасана после первой их встречи.

Со своей стороны Рауф приложил много усилий, чтобы докопаться до причин этого непонятого явления. Но не нашел в действиях Гасана ни корысти, ни какого-нибудь тайного хитро-умного расчета. Поразмыслив, он был вынужден объяснить вызванное им почтение проникательностью молодого надзирателя, видимо, обладавшего природным даром распознавать среди многих людей значительного человека. Чтобы проверить свое приятное предположение, он попытался что-нибудь выведать на этот счет у самого Гасана, но, увидев беспомощно разведенные руки и смущенный взгляд, Рауф окончательно убедился в своей правоте.

После всего этого он и сам стал испытывать к Гасану чувство, близкое к дружескому расположению, и вследствие этого не отказывался от беседы с ним, если возникала такая возможность. В разговоре с молодым надзирателем у Рауфа все чаще появлялся покровительственный тон, но парень не обращал на это внимания. Рауф никогда не считался интересным собеседником и уж тем более рассказчиком, но на обделившую его

красноречием природу не роптал, так как всегда помнил о своих других достоинствах, с лихвой компенсирующих этот легкий про-бел. Со временем самокритичность и постоянное отсутствие спроса на самый короткий монолог способствовали выработке своего разговорного стиля — наметив с самого начала цель беседы, Рауф вел ее немногословно, не отвлекаясь от темы, при необходимости оживляя ее заготовленными впрок шутками. При этом он внимательно следил, особенно в некоторых местах, как, например, в доме тестя, где среди гостей часто попадались люди ехидного и скрыто-злорадного нрава, чтобы не перейти на скользкую почву отвлеченных рассуждений и споров с философским уклоном.

Беседуя два или три раза в неделю с Гасаном, он старался держаться той же манеры, что не всегда получалось, потому что юный надзиратель оказался слишком уж благодарным слушателем, и, постепенно, без сопротивления подчинившись этому обстоятельству, Рауф стал замечать, что излагает теперь вслух не только мысли, имеющие лишь практический смысл, но и мнение о явлениях гораздо более тонкого свойства.

Обычно на вопросы Гасана он сразу же находил правильные ответы, подкрепляя их всякий раз наглядными примерами из собственного опыта, но бывало и так, что уходило несколько дней на обдумывание совета, могущего не только способствовать преуспеянию в служебных делах и семейной жизни, но и надежно предостеречь молодого человека от роковых ошибок, неизбежно ведущих к потере доброго имени, возлюбленной или свободы. Он говорил, ощущая ценность своих слов и тот живой интерес, с каким впитывается каждое из слов, и это было очень приятно.

Нечто похожее он впервые испытал в суде, но даже в минуты триумфа, когда гнев, обида и нахлынувшее вдохновение родили замечательную речь, Рауф не испытал такого полного удовлетворения, какое он получал здесь от исполненных глубокого смысла разговоров с Гасаном.

— Добрый вечер, дядя Рауф. Я пришел попрощаться, — сказал Гасан. — Уезжаю в командировку Ленкорань.

— Я в Ленкорани не бывал, но все говорят, что там очень красиво. Цитрусовые растут, мандарины, лимоны... Счастливого пути. Это хорошо. Человеку надо ездить, особенно в молодости. Надолго?

— Через две недели буду здесь.

— Я слышал от многих побывавших там самые одобрительные отзывы. Субтропическая зона...

— Очень хорошее место, — Гасан мечтательно покачал головой. — В Азербайджане такого второго нет.

Чувствова-лось, что предстоящей поездке он очень рад, и это почему-то на Рауфа подействовало неприятно.

— Это еще на чей взгляд, — усмехнулся он. — Одному Лян-кяран кажется лучшим краем, другому — Баку или Астара. Каждому свое.

— Конечно, вы правы, — согласился Гасан, — родные места для сердца самые милые, но Ленкорань вам тоже понравится. Я вас прошу, когда... в общем, когда захотите, берите семью и приезжайте к нам летом. Мне здесь еще год осталось служить, потом переведусь туда. Дом у нас большой, и живут в нем мать да младший братишка. Все разбрелись кто куда. Сестры заму-жем — одна в Баку, другая пока в Лянкяране, но тоже собирает-ся с мужем переехать в Баку, старший брат в Калининграде служит, он военврач, раз в год прилетает повидаться. Это я к тому, что места всем хватит!

— Спасибо, — не отказался Рауф. — Ты тоже захаживай, я тебе дам телефон и адрес. С сыновьями познакомлю. В конце концов, я тебе кое в чем и полезным могу оказаться.

Рауфу очень хотелось обещать парню что-нибудь доброе, но ничего, кроме предложения устроить в жилищный кооператив, в голову не приходило.

— Словом, можешь на меня рассчитывать. Чем занимался покойный отец? Извини, если мой вопрос так бестактен.

— Я об отце люблю вспоминать, — подумав, ответил Гасан. — И во сне, когда его вижу, радуюсь. Он всегда со мной ласково разговаривает, как при жизни. Спрашивает меня обо всем или сам рассказывает, а я слушаю. Жаль только, в послед-нее время почти перестал сниться. Он рыбаком был на сейнере. Круглый год рыбу ловил, от красной до кильки, каждую в свой сезон. Я тоже хотел рыбаком стать, мать не разрешила, после того как отец пропал. Мать о нем до сих пор как о живом го-ворит, потому что никто не видел, как сейнер погиб. И никого на берег не выбросило... С того времени она стала немного за-говариваться, все ждет, что отец вернется. Даже мы все — и сестры, и я с братишкой — ей верили, что когда-нибудь отца сно-ва увидим. Вы не подумайте, во всем остальном мама нормаль-ная, она на консервном заводе лучше всех работает.

— А ты его помнишь?

— Конечно, как сейчас перед глазами. Мне тогда двенадцать лет было. Погода в тот вечер стояла ясная, без ветра. Мы при-шли на берег провожать, а он нам помахал рукой... Ночью шторм начался. Проснулись, дом трясется, у соседей крышу сорвало, всю целиком, и они потом месяц жили у нас. Их хозяин тоже не вернулся... Я отца часто вспоминаю.

— О чем речь, — вздохнул Рауф. — Отец — самый дорогой на свете человек. Так же, как мать. Но ты не расстраивайся, о будущем надо думать... Поскорее возвращайся, а то мне без тебя будет скучно. Счастливо тебе.

— Я о вас дома всем расскажу, дядя Рауф, — сказал Гасан. — Язнаю себя, мне без вас тоже будет тяжело.

После отъезда Гасана ничто уже не отвлекало его от работы и размышлений, большую часть которых занимали планы устрой-ства дальнейшей жизни.

Даже с учетом издержек, неизбежных при осуществлении самых продуманных планов, перед внутренним взором Рауфа, сумевшим пробиться сквозь туманы и облачность будущего, временами возникало нечто, манящее тайной неизведанных ра-достей, казалось близкой планетой, как бы увиденной в иллю-минатор с надежной защитой от лучей незнакомого солнца.

При этом выяснилось, что ранее несвойственное ему углубле-ние в далекие от действительности мысли — занятие не просто увлекательное, но и полезное, так как, ничуть не мешая работе, оно заметно сокращало именно тот отрезок времени, от которого многие отказались бы даже ценой соответствующего уменьше-ния общего срока жизни.

Именно состояние отрешенности от окружающей обстановки помешало ему полностью осознать значительность такого собы-тия, как приход Джафара Мамед-заде, явившегося лично при-гласить Рауфа на свидание с племянницей. Дело происходило утром, то есть в самое что ни на есть неподходящее для посети-телей время, и, видимо, поэтому старший надзиратель выглядел озадаченным. Разговаривал он без присущей ему суровой бод-рости, глядя в сторону и словно приподняв бровями лоб. Рауф, у которого причин для удивления было действительно больше, чем у начальства, не зная, что у него никогда не было пле-мянницы, своего замешательства не выдал и послушно просле-довал за надзирателем в административный корпус.

Там его ждала Аида, которая, радостно всхлипывая, броси-лась Рауфу на шею, как только он переступил порог.

Прижимая к себе после восьмимесячного воздержания горячее гибкое тело, Рауф в основном испытывал только смущение, и оно не оставило его до конца этой трехсторонней интимно-официальной встречи.

Джафар Мамед-заде в комнату не прошел. Он стоял в двух рядах, напоминая приоткрытым ртом под седыми усами и форменной тужуркой ветерана-артиллериста, застывшего в ожидании орудийного залпа.

— Как ты сюда попала? — спросил Рауф, отступив на расстояние, почти подходящее для беседы дяди с любимой племянницей.

— Как все, — сказала Аида, перемена позиции произвела на нее неприятное впечатление, и ей захотелось устранить ее причину.

— А этот товарищ сам догадается уйти, или ему надо сказать? — громким шепотом спросила она, кивнув на Джафара Мамед-заде.

— Ты забыла, где мы находимся, — сказал Рауф. — То, что тебя в виде исключения пропустили, — уже большое везение.

— Никакого везения, — возразила Аида. — Пропустили, потому что так им приказали. Если хочешь знать, я для этого ходила к своему дяде. Вообще, я всех родственников с маминой стороны терпеть не могу. Первый раз обратилась к нему с просьбой, только из-за тебя.

— Он всегда был отзывчивым человеком, — Рауф сделал большие глаза, дав этим понять неуместность дальнейшего разговора о неизвестном ему дяде, но на Аиду это не подействовало.

— Дядя — заместитель главного прокурора, и его приказы надо выполнять. Мне разрешили встретиться с тобой наедине, — при этом Аида выразительно посмотрела на старшего надзирателя, но тот сделал вид, что не слышит.

— Ничего, — примирительным тоном сказал Рауф. — Самое главное, повидались. Скоро я выйду, и тогда все будет в порядке,

— Полтора года — это скоро? — усмехнулась Аида и вдруг заплакала. — Я по тебе соскучилась, во сне каждую ночь вижу, а ты даже не рад мне. — Она рыдала навзрыд, уткнувшись лицом ему в плечо.

Рауф беспомощно оглянулся на старшего надзирателя, и тот, истолковав это как призыв к действию, прошел к столу и, налив из графина стакан воды, передал Рауфу.

Успокоить Аиду удалось с трудом, и, прощаясь, она продолжала судорожно всхлипывать.

Провожать ее пошел старший надзиратель. Оставшись один, Рауф испытал невероятное облегчение, похожее на то, какое испытывает после пробуждения человек, явившийся во сне голым на банкет в честь юбилея руководителя своего учреждения. Он с напряжением ждал от старшего надзирателя вопросов в связи с появлением юной «племянницы», но тот, вернувшись, ничего не сказал. Направляясь к своему рабочему месту, Рауф неожиданно для себя спросил, когда вернется из затянувшейся командировки Гасан.

В другое время Мамед-заде Джафар и не подумал бы ответить на этот вопрос, целиком относящийся к разряду сугубо служебных и даже тайных, но, видимо, только что перенесенное потрясение сказалось и на нем, и он ответил, что в связи с переводом на милицейскую работу в Лянкяран, вызванным необходимостью ухода за больной матерью, Гасан от своих обязанностей здесь освобожден навсегда.

Конечно, Рауфу это известие не показалось приятным и в первую минуту, но всю значительность его он прочувствовал позже, когда понял, что лишился единственного человека, признавшего за ним право духовного наставника. Словно зрелый колос, увенчанный короной из тяжелых зерен, Рауф был переполнен мыслями и выводами, остававшимися не высказанными из-за отсутствия достойного собеседника. Сидя у костра, он часто вспоминал сыновей, с которыми ему ни разу не довелось всерьез побеседовать о вещах, не имеющих сугубо практического значения, и удивлялся этому. По семье он временами скучал, но в своих письмах — коротких записках в ответ на очередную посылку — запрещал жене и детям приезжать к нему. Почему-то стало неприятно, и сердце внезапно кольнуло что-то, весьма напоминающее ревность. Теперь Рауф часто думал о Халиде, вспоминал многое из того, что давно уже считал безвозвратно забытым, и постепенно, незаметно для себя, пришел к выводу, что Халида всегда была очень хорошей женой.

Думал он и о своей будущей жизни, но почти все его планы оказались так или иначе связанными с Халидой. От этих высоких дум его периодически отвлекало появление Арифа, по словам которого, дела пошли уже на лад и есть надежда, что через не-сколько дней жалоба будет востребована из прокуратуры окончательно.

Он, как всегда, был в саду, когда его вызвали на первое свидание с женой. Известие это он воспринял почти безразлично и, неторопливо умывшись, отправился на встречу. По скованному тону Халиды чувствовалось, что разговаривать при посторонних людях ей неприятно. С первого взгляда Рауфу показалось, что выглядит она хорошо, а еще немного

погодя, слушая рассказ о новостях в доме и в городе, он с удивлением обнаружил, что присутствие жены волнует его, подозрительно напоминает то неодолимое влечение, какое возникает у мужчины при встрече с очень желанной, но недоступной женщиной. Усмехнувшись про себя, он объяснил это странное ощущение, вызванное собственной женой, долгим воздержанием и здоровым образом жизни, свежим воздухом, почти на лоне природы. Когда она кончила рассказывать, Рауф спросил о здоровье ее родителей и, услышав ответ, заметил, что, в соответствии с теорией тещи, благо-даря его отсутствию они в дальнейшем почувствуют себя еще лучше.

— Ты не прав, — сказала Халида. — Они очень переживают.

— Переживать-то переживают, а при встрече могут не поздороваться, — сказал Рауф.

— Ничего подобного. Папа все время думает, чем бы тебе лучше заняться, когда вернешься. Он считает, что в каком-то смысле нам даже повезло. Ведь теперь тебе придется уйти с прежней работы, где рано или поздно возникли бы большие неприятности.

Возразить он не успел, потому что как раз в эту минуту время свидания истекло. В комнате находилось несколько женщин, но, судя по взглядам мужчин, самой заметной среди них была Ха-лида. Хотя он понимал, что этот успех в основном вызван не очень высокими достоинствами остальных посетительниц.

Самые прекрасные новости он узнал в последний приезд Арифа. Это было в субботу, день, когда Ариф прежде не появлялся. Рауф не поверил своим глазам, когда рядом с ним увидел Аскерова. Это недоверие быстро распространилось и на его слух. Ариф с радостью сообщил, что птица недавно нашлась. Выяснилось, что, оказавшись в районе курортного поселка Мардакяны, она вывела там птенцов и вместе с ними перезимовала в подвале заколоченной дачи.

Как она очутилась в сорока километрах от города, никто объяснить до сих пор не сумел. Нашли ее с помощью местного почтальона, которого она больно клюнула при первой же встрече в узком переулке. Сейчас вместе с тремя птенцами киви живет в отдельной клетке нового зоопарка.

Таким образом, обвинение в похищении птицы отныне считается несостоятельным. За ущерб же, причиненный зоопарку самовольным удалением рога у одряхлевшего животного, Рауф, в соответствии с законом, уже понес наказание, уплатив денежный штраф и пробыв девять месяцев в изоляции от общества.

Ариф говорил, а стоящий рядом Аскеров кивал в такт головой, и вид у него при этом был довольно-таки понурый. Дальнейшее происходило, как в тумане. В сопровождении Аскерова Рауф прошел в кабинет начальника тюрьмы, где ему был вручен ордер об освобождении, после чего, приняв душ и побрившись, он переоделся и, опять же вместе с Аскеровым и Арифом, вышел на улицу.

Конечно, прежде всего Рауфу захотелось попасть в гараж, где его ждала банка с поспевающим уже драгоценным содержимым, но, совладав с собой, он на любезное предложение следователя ответил, что сейчас поедет с Арифом не в город, а в противоположную сторону, в Бильгя. За семью печатями скрыто от человека будущее, но, поступив столь благоразумно, ибо его желание встретиться с истосковавшимися близкими в ущерб собственным интересам выглядело ничем иным, как одной из разновидностей благородства. Рауф уподобился в этот момент прозорливому мудрецу, чьи каждодневные поступки способствуют возникновению гармонии между быстротекущим настоящим и будущим человеческой жизни. Вскоре он в этом убедился.

Аскеров на глазах у всего тюремного начальства проводил Рауфа до машины. Несмотря на то, что Рауф разговаривал с ним без неприязни, внимательно слушал и временами вежливо улыбался, почти как с новым соседом или с дальним родственником подчиненного ему сослуживца, Аскеров разговаривал почти виноватым тоном, а напоследок, после того как Рауф уже сидел в машине, пригнулся к окну и, еще раз извинившись за недоразумение, попросил в случае возникновения малейших затруднений звонить ему на работу или домой в любое время суток. И это было приятно.

Ехали молча. Ариф, сосредоточенно глядя перед собой, вел машину, а его бывший клиент Рауф, сидя рядом, наслаждался минутами торжества и одновременно обдумывал, в каких самых убедительных словах посвятить Арифа в свою тайну.

Когда доехали до первой развилки, Ариф, перед тем, как повернуть в сторону Загульбы, махнул рукой направо, где виднелись в отдалении Мардакяны, и сказал, что птицу нашли где-то здесь. Если он хотел этим сделать приятное Рауфу, то это получилось, потому что, с удовольствием представив, как гнусное существо блуждало по окрестным дачам, добывая пищу в мусорных ящиках, Рауф вспомнил о собаке и дал себе слово выпросить ее у директрисы, которая, если судить по Аскерову, тоже, наверное, изменилась в лучшую сторону.

После этого Рауф приступил к изложению обстоятельств, которые до сих пор были неизвестны его бывшему адвокату. Не торопливо, со всеми подробностями, рассказал о том, как в доме тестя увидел он книгу со старинными рецептами. Поначалу Ариф слушал его хоть и внимательно, но с недоверием, но постепенно, когда Рауф перешел к описанию состава и удивительных свойств омолаживающего снадобья древних, в глазах Арифа появилось выражение острого интереса. Сославшись для вящей убедительности на мнение тестя, Рауф перечислил все запомнившиеся ему исторические факты чудодейственного

влияния снадобья на организмы прославленных деятелей прошлого. Историю омолаживания Цезаря, начав ее с описания отлова древнеегипетского носорога, он поведал целиком и уже потом перешел к событиям более поздним, можно сказать, современным, имеющим отношение к нему лично. Рассказывал все, как было, ничего не утаивая, и его слова уподобились отборным семенам и дали первые ростки в ожидаемые сроки, ибо благодаря стараниям принявшая их почва оказалась настолько ухоженной, что, захоти Рауф воткнуть в нее палку, она проросла бы незамедлительно.

Машина теперь еле ползла, уступая дорогу всем видам транс-порта. Время от времени облизывая пересыхающие губы, Ариф напряженно слушал, и этот бескорыстный интерес человека, даже отдаленно не подозревавшего, что за всем этим его ждет, был Рауфу чрезвычайно по душе, и ему даже показалось, что рядом с ним на парте сидит его прежний школьный друг, у которого физическая сила и характер Рауфа вызывали в свое время самое почтительное отношение. Это давно забытое ощущение было приятным, но в следующую минуту, между Загильбой и Бильгя, когда Рауф объявил о своем окончательном решении поделиться драгоценным снадобьем, доставшимся ему ценой таких испытаний, труда и жертв, со своим лучшим и верным другом Арифом в количестве, потребном для полного обновления изрядно обветшавшего в результате более чем полувековой эксплуатации организма, он понял, что переживает момент доселе не испытанный и счастливый беспредельно.

Великодушным предложением Ариф был растроган сверх меры. Приостановив машину, он пожал руку Рауфу, а затем, извинившись за постыдную чувствительность, вызванную диабетом, вытер повлажневшие глаза. Нахлынувшие слезы, волна благодарности и умиления поглотили Рауфа с головой, и поэтому он не сразу разобрался в значении слов, услышанных вслед за этим.

— Но почему? — улыбаясь, спросил Рауф, который в глубине души был уверен, что отказ Арифа не что иное, как тактичная форма согласия, которым отвечают воспитанные люди на первое предложение выпить и закусить.

— Пойми меня правильно, — тревожно оглянувшись на обгоняющий машину трактор, начал Ариф, — я знаю, какая это ценная вещь. Но я не могу себе этого позволить. Вспомни Мамеда Мелик-Еганова.

— Какого еще Мелик-Еганова?

— Не знаешь? А ведь это был известный в городе адвокат и очень перспективный. Все у него шло хорошо, пока он не привез из Венгрии «Банфи». Я на всю жизнь запомнил название. Знаешь, что это такое? Сейчас объясню: благодаря этому лекарству начинают расти волосы. Гарантия сто процентов. Говорят, изобретателю хотят дать Нобелевскую премию.

— Не понимаю, что ты плетешь! — с легким раздражением сказал Рауф. — Какой Мелик-Еганов, какие волосы?..

— В том-то и дело, что все оказалось правдой. Мелик-Еганов был абсолютно лысый, а тут через три месяца у него отросли густые волосы. Внешне — совершенно другой Мелик-Еганов! И вме-сте с тем вроде бы не совсем человек. И погорел. У всех к нему отношение изменилось. Что бы он ни сказал, улыбаются. Хотели назначить начальником отдела, раздумали. С тех пор ни одного серьезного процесса не доверяют. И клиентов своих он потерял.

— Все врешь, — дослушав, объявил Рауф. — То есть в том смысле, что отказываешься ты по другой причине. Не хочешь — не надо, если человек не понимает своего счастья, уговаривать его грех. Но объяснить, в чем дело, ты должен.

— Видишь ли, — пробормотал Ариф, — прежде всего я должен тебя еще раз поблагодарить...

— Не вилай, говори прямо!

— Говорю, — по улыбке Арифа Рауф сразу понял, что ответ будет неискренним. — Я сейчас вспомнил забавную историю о том, как один из ширваншахов, Ахситан, от-правился путешествовать по Азербайджану... Потерпи, сейчас кончаю. Он посетил крепости в Барде, Шемахе, Гяндже, и везде под приветственные пушечные залпы его встречали толпы под-данных. И только у крепостных стен Шеки, где, кстати, военачальником был его друг детства, появление владыки не было отмечено салютом. Ахситан по тем временам считался правите-лем хоть и справедливым, но суровым. Не въезжая в крепость, он при всех потребовал у коменданта объяснить, почему не слышны приветственные залпы? «На это есть семнадцать при-чин», — ответил комендант, стараясь не глядеть в сторону при-сутствовавшего там же палача. «Говори, какие», — нетерпеливо приказал Ахситан. «Первая: нет пушек», — начал перечислять комендант. «Довольно, — остановил его Ахситан, отпуская зна-ком руки палача. — Я удовлетворен».

— Можно подумать, что тебя заставляют, — хмуро сказал Рауф, подумав про себя, что есть на свете люди, которым по-мочь невозможно при всем желании, и Ариф из числа этих не-счастливых.

— Вот видишь, ты обиделся, — Ариф по-настоящему расте-рялся. — Я тебе очень благодарен. Но постарайся и ты меня понять... Извини, но твое замечательное средство мне не годит-ся. Если хочешь знать правду, я о времени, когда был молодым, вспоминаю без всякого удовольствия, честное слово! Ничего хорошего у меня тогда не было. А сейчас

я чувствую себя полноценным человеком, а если бы не диабет, то даже счастливым... И ничего больше не хочу, согласен, чтобы все у меня шло как есть, без изменений. Я про себя, например, знаю, что адвокат я не очень способный, звезд с неба не хватаю, но люди-то ведь меня за что-то все же уважают... И дома у меня все нормально. Дети меня любят, жена, по-моему, тоже... А тут вдруг — раз! и я помолодел. Как же все это будет выглядеть? Кем я для них после всего этого стану? — Явственно представив первую встречу друзей и родственников с новоявленным юношей, Ариф пришел в сильное смятение, вследствие чего резко затормозил перед светофором, зеленый свет которого, видимо, показался ему не-достаточно зеленым.

— Поезжай, поезжай, — снисходительно улыбнувшись, сказал Рауф. — Всего ты боишься. Каким был, таким и остался. Представляю, что ты сейчас обо мне думаешь...

— Ничего плохого, — торопливо прервал его Ариф. — Ты другое дело. Ты человек решительный, смелый.

— И эгоист, — добавил Рауф. — Слушаю тебя и думаю, а для чего мне все это? Да разве я из-за одного себя стараюсь? В конце концов, кто выиграет оттого, что я, может быть, стану энергичнее и сильнее? Ну подумай!.. Семья, конечно! И друзья. Я тебе говорил уже, что многое решил изменить в своей жизни. — Рауфу казалось, что он говорит правду, более того, поразмыслив, он понял, что и впрямь выразил вслух то, что в последнее время у него копилось в душе. — А ты тоже не прав, такие серьезные вещи нельзя сразу решать. Посоветуйся дома. Верно говорю?

— Конечно, — с готовностью согласился Ариф. — Посоветоваться никогда не мешает.

— Все равно я тебя уговорю. Это мой долг, — искоса поглядывая в окно, Рауф рассеянно потрепал Арифа по плечу. Хороший человек его приятель, но умом, к сожалению, не блещет.

Они уже въезжали в Бильгя. Рауф напомнил, где надо свернуть с шоссе, и машина, медленно пропетляв между тесно сдвинутыми заборами, вскоре остановилась у знакомых ворот. Рауф пригласил Арифа на дачу, ему не хотелось появляться сейчас там одному, но в ответ на уговоры Ариф озабоченно посмотрел на часы и клятвенно заверил Рауфа, что медсестра, которая делает ему на дому инъекции инсулина, может, не дождавшись, уйти, а так как с диабетом шутки плохи, не исключен самый печальный результат.

Подходя к воротам, Рауф ни с того ни с сего вдруг испытал приятное ощущение робости и смущения, показавшееся ему тут, на пороге родного дома, совершенно неуместным и нелепым. Кроме того, оно мешало наслаждаться заслуженной радостью победителя. Он пытался побороть это состояние, но оно, вместо того чтобы бесследно исчезнуть, усилилось

к тому времени, ко-гда он вошел во двор, и под его вредным воздействием у Рауфа замедлились шаги и вспотели ладони. Поэтому он обрадовался, что его приход оказался незамеченным.

На балконе, где обычно собиралась вся семья, никого не было видно. Дорожка к дому шла через ровную площадку, покрытую разросшимися плетями нераскрывшихся виноградных лоз, и, глядя на них, он почему-то озабоченно вспомнил, что пора об-резки и прививок подходит к концу и виноградник останется невозделанным. С этой неожиданной и ранее не приходившей в голову мыслью оказалось справиться нетрудно, и, быстро изба-вившись от нее, Рауф поднялся на веранду.

С заднего двора доносился оживленный шум. Судя по воз-бужденным выкрикам, игра проходила азартно. Некоторое время Рауф в раздумье постоял на балконе, а затем, после того, как окончательно пришел к решению не использовать спортивную площадку в качестве места первой встречи с домочадцами, под-нялся по внутренней лестнице на второй этаж.

Окна здесь были распахнуты настежь, и, чтобы его не уви-дели со двора, он, низко пригнувшись, прошел мимо них к ближайшей двери и там на пороге остановился, как вкопанный, на-подобие человека, перед которым неожиданно открылось необыч-ное зрелище, вроде, скажем, водопада в горах или автомобильной аварии. И это было странно, потому что ничего особенного, кроме своей жены Халиды, дремавшей на тахте, он в этот момент не увидел. И все-таки не мог ни шагу ступить дальше, даже окликнуть ее не посмел, ему отказали ноги, онемел язык. А она, вместо того чтобы проснуться от стука его сердца и броситься навстречу, продолжала спокойно спать. Наконец, истекла мину-та оцепенения, и Рауф тихо вошел в комнату. Он стоял и рас-сматривал свою собственную жену, и она казалась ему самой желанной и прекрасной из всех виденных им женщин. И это несмотря на то, что, не будучи оповещенной о свидании, она ле-жала перед мужем какая есть, ненакрашенная и непричесанная, и не в кружевном белье под надушенным прозрачным пеньюаром. Испытывая безудержное влечение, он присел рядом, прикоснувшись к разметавшимся на подушке волосам, тихо назвал ее по имени.

Вначале испуг и недоумение мелькнули в затуманенных сном глазах, когда она увидела близко над собой лицо Рауфа, но вскоре эти чувства уступили место другим, когда, окончательно проснувшись, она оказа-лась в его объятиях.

На предложение немедленно оповестить о радостном событии всех волейболистов он отозвался лишь коротким нервным смеш-ком и надолго прильнул поцелуем к горячим и, без помады, розо-вым губам. Несмотря на продолжительность этого действия, оно не привело к ответному взрыву страсти. Продолжая неподвижно лежать и после того, как он, торопливо сорвав с себя одежду, начал дрожащими руками расстегивать ее халат, она лишь безу-чайно посоветовала, чтобы он на всякий случай запер дверь.

После долгой разлуки ему показалось незнакомым лежащее рядом женское тело с нежной кожей округлых плеч и высокой грудью, с исполненными притягательной красоты упругими полными бедрами. И он испытал ни с чем не сравнимую радость, почувствовав, как постепенно начинают отзываться на его исступленные ласки ее губы и тело. Радость и смутившее самого Рауфа благоговение...

Он подошел к окну и, стараясь не высовываться, осторожно выглянул в окно. Ему не терпелось посмотреть на детей, но увиденное сразу же заставило отказаться от дальнейшего обзора — прямо напротив окна в тени забора стояла его машина. Да, да! Как это ни невероятно, но той же марки и того же цвета, что и его собственная, запертая в гараже, с той же не выправленной вмятиной на переднем левом крыле... Кроме того, к машине был прикреплен знак, также заставивший Рауфа усомниться в известной истине, в соответствии с которой одна и та же вещь не может одновременно находиться в разных местах.

В мыслях Рауфа возник сильнейший беспорядок, и он, вернувшись на тахту, на две-три минуты удалился от активной умственной деятельности.

— Там у забора стоит машина, — затем сказал он. — Моя?

— Наша, — подтвердила жена, она одевалась, застенчиво укрывшись за открытой дверцей шифоньера. — Кямиль нас на ней привез. Я не знала, что он так хорошо водит.

— А как он очутился в моей машине? — спросил Рауф. — Я же запер ее в гараже, а ключи взял с собой.

— Снесли гараж, — сказала жена. — Во дворе снесли все гаражи. Объявили, что построены незаконно. Два месяца назад. — Обеспокоенная молчанием мужа, она выглянула из-за дверцы: — Ты не расстраивайся. Всем бывшим владельцам отведены участки в восьмом микрорайоне.

— Почему я об этом не знал?

— Посоветовали тебе не сообщать. Сказали, у тебя и без того неприятностей хватает... Ничего не пропало. Стены, крышу — в общем, все железо — сложили на новом участке, а запчасти Кямиль перевез сюда и опустил в погреб.

— Там еще кое-что было, — сказал Рауф.

— Бутылки? Дождались тебя целыми, сок выпили дети. И еще банку там нашли, с вареньем. Не сразу догадались, что это варенье.

— Ну и...? — он удивился, что жена услышала, так тихо прозвучал его голос. — Все съели?

— Ни капли не осталось. Ели за завтраком, в обед и на ужин. Ты же знаешь, родители, особенно папа, почти не едят сладкое, а тут, как сумасшедшие, набросились. За неделю весь баллон опустошили.

Халида вышла из-за дверцы. На ней было платье из легкой светло-розовой ткани. Рауф его раньше не видел, так же как и новой прически, открывающей шею и не успевшие еще покрыть-ся загаром плечи. В коротком платье и в туфлях без каблуков она выглядела такой юной, что у него, словно в предчувствии какой-то неотвратимой беды, тоскливо защемило сердце. Он ничего не сказал ей, потому что все его мысли и желания были вытеснены одной-единственной догадкой, и она, пронзительная и одинокая, теперь звучала траурной мелодией трубы над за-молкшим оркестром.

Уже не таясь, он выглянул в окно, но обе команды, семья Рауфа и обитатели соседней дачи, были настолько увлечены игрой, что его никто не заметил. Он не удивился, увидев среди играющих тестя, который, облачившись в синие с белым кантом трусы и такую же майку, играл старательно, но явно неумело. Судя по тому, как он с азартным воплем, оттолкнув в сторону внука, подпрыгнул над сеткой в тщетной попытке добить мяч, сам он этого не понимал. Вид потного человека с переко-шенным от крика лицом, который, забыв о приличествующем его возрасту поведению, резвится с детворой, — зрелище не из приятных. На Рауфа оно произвело прямо-таки отталкивающее впечатление, особенно после того, как он, стоя у окна, вдруг заметил удивительное сходство между суетливо подпрыгиваю-щим на мосластых ногах тестем и отвратительной птицей киви. А когда тесть, держа мяч перед носатым лицом, поскакал на подачу, Рауфу показалось, что не человек, а мерзкое двуногое пернатое устремилось в беге к нему, и он отпрянул от окна.

Больше всего ему хотелось остаться одному, и он облегченно вздохнул после ухода жены, которая спустилась вниз, чтобы накрыть стол в честь предстоящего сюрприза.

Рауф сидел на тахте, подперев руками голову, и, стараясь не отвлекаться на мелкие детали, обдумывал в главных чертах план будущей жизни. Но успел составить лишь вступительную часть, и то не полностью, потому что ему помешал ворвавшийся вместе с порывом ветра мощный радостный крик, в котором дружно слились хорошо знакомые голоса.

Услышав этот крик, возвестивший, что победила его семья, Рауф заставил себя встать. Выйдя из комнаты, он начал медлен-но спускаться вниз.

